ПЕТР
КАТЕРИНИЧЕВ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
КОРСАР
Наваждение

Петр Владимирович Катериничев

Корсар. Наваждение

Серия «Русский детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2902527
Корсар. Наваждение: Центрполиграф; М.:; 2011
ISBN 978-5-227-05072-4

Аннотация

Однажды утром писатель Дмитрий Корсар отправился в Дом книги на презентацию своей только что вышедшей книги «Грибница». Но в магазине его не ждали, да и книгу сперва не нашли. А потом выяснилось, что книга есть, но называется она «Гробница». Пока Корсар выяснял, в чем дело, по телевизору, установленному в торговом зале, объявили, что «…только что погиб известный культуролог и аналитик по проблемам древних и загадочных культур и цивилизаций Дмитрий Корсар…», и показали прикрытое простыней тело…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 26
Глава 6 32
Глава 7 36
Глава 8 40
Глава 9 44
Глава 10 49
Глава 11 55
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Петр Катериничев
Корсар. Наваждение

Вот родословие Адама… Дней Адама по рождению им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей… Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер… Всех же дней Сифовых было девятьсот двенадцать лет; и он умер… Всех же дней Еноса было девятьсот пять лет; и он умер… Всех же дней жизни Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер.

Бытие, 5: 1—25

Глава 1

Диме Корсару снилась зима. Вернее, длинное белое пространство, и одинокий путник брел через него по тропке вверх, к огням жилого строения, откуда веяло дымом и теплом… И отчего-то он знал, что там и самовар гудит в жарко натопленной горнице, и огонь весело резвится в печурке, и пахнет травами и медом… И путник шел, преодолевая секущую поземку, неспешно, в такт шагам, повторяя и повторяя невесть откуда берущиеся странные строки…

А потом – снилось какое-то здание в стиле позднего сталинского ампира, и вокруг искрили высоковольтные провода, устилая все пространство огнем, и люди с личинами на лицах, в средневековых длинных домино, указывали на него, Корсара, пальцами… И был запах опят, преющих осенних листьев и стылой, промерзающей по ночам земли… А потом он – заблудился.

Корсар мчал прозрачными осенними перелесками и тосковал – об уходящем лете… Ведь летом, как и юностью, все иное. Беспутные, бездумные дни летят хороводом, длинные, как детство, и теплые, как слезы… И кажется, ты можешь вспомнить их все – до капли дождя, до оттенка травы, до проблеска вечернего луча по струящейся прохладе воды, до трепета ресниц первой возлюбленной, которой и коснуться не смел, до взгляда другой девчонки, той, с которой некогда рассеянно разминулся, чтобы теперь помнить всю жизнь… И когда упадет первая хрусткая изморозь, когда прозрачные паутинки полетят над нежно-зеленой стрельчатой озимью, светящейся переливчатыми огоньками росы, когда небо высветится синим сквозь вытянувшиеся деревца, когда лес вызолотится и запламенеет алым и малиновым, станет ясно, что лето кончилось, что его не будет уже никогда, по крайней мере такого…

И все, что пряталось в тайниках и закоулках души, вдруг проступает неотвязной явью, и ты снова переживаешь несбывшееся и мечтаешь о том, чего никогда не случится, и это будущее вдруг становится истинным в своем совершенстве. И осень – делается строгой. И холодные нити дождей заструятся с оловянного казенного неба, и листья обвиснут линялым тряпьем, и капли будут стынуть на изломах черных сучьев, и земля вдруг запахнет остро, призывно, то ли прошлым снегом, то ли свежеотрытой могилою… И мир становится серым – в ожидании снега…

…Открыв глаза, Корсар некоторое время смотрел на распахнутое настежь окно и удивлялся, почему не мерзнет, и только потом сообразил – сейчас лето. Будильника Корсар не заводил: во-первых, потому, что терпеть их не мог, во-вторых – вставать всегда привык, когда нужно. Но тут – что-то сбилось в отлаженных биоритмах: когда он открыл слегка залипшие веки и взглянул на часы, было двадцать пять одиннадцатого! То, что на презентацию он

опаздывает, – не беда: по опыту знал, полчасика, а то и больше уйдет на усушку-утряску организационных моментов. Да и сама презентация была чистой фикцией, желанием издателей; грех было не уступить им в такой просьбе.

Корсар метеором влетел в душ, смыл остатки сна и похмельной мути – коей и не было почти: хороший коньяк господа французы делали, во-первых, для себя, во-вторых – для истинных ценителей старинного напитка… Так что похмелья не было вовсе, а некая алкогольная вялость ушла минут через семь.

Саша Буров разлепил глаза, приподнялся на диванчике:

– Чего ты подхватился? Суббота, выходной…

– Презентация у меня. Начало – через семь минут! – Корсар, уже одетый, бросил ключи от квартиры Бурову. – Я – погнал. Дом книги. Хочешь – догоняй, хочешь – досыпай. Кофе – в кофеварке, сок – в холодильнике.

Буров присел на диванчике, опустив на ковер босые ноги:

– А коньяк?

Но Корсар его уже не услышал; хлопнул входной дверью.

– Ну и ладно… – Буров оглядел остатки вчерашнего затянувшегося застолья, продекламировал: – «Бойцы вспоминали минувшие дни…» И не хило так вспоминали…

Налил себе полстакана коньяку, выпил единым духом. Подхватил новую книжку Корсара «Грибница», повернул: на оборотной стороне улыбающийся Дима Корсар в широкополой черной шляпе, затененных очках, джутовом пиджаке… Буров хмыкнул, отыскал на вешалке ту самую шляпу и пиджак, надел их, водрузил на переносицу очки:

– Ну и чем я не творец? – Плеснул еще коньяку на донышко, выпил, хмыкнул, глядя в зеркало: – Вылитый!

…Корсар, не дожидаясь лифта, скатился по ступенькам, выскочил из подъезда, ринулся к машине…

Человечек, с виду предпенсионного возраста, тихохонько кемарил на лавочке; когда Корсар пробегал мимо, он поднес ко рту короткую духовую трубку, резко дунул… Потом надвинул соломенную шляпу-капелюх[1] на глаза, поправил старомодные солнцезащитные очки и пошел себе прочь из двора, через арку…

Корсар выругался, когда сзади в шею больно впилось что-то, хлопнул ладонью, сгреб маслянистый комочек, похожий на раздавленного овода, чертыхнулся, отер руку платком и бросился за руль.

Через сорок минут он уже припарковал автомобиль на тротуаре, возле Дома книги. Соскочил с подножки машины, услышал рядом скрип тормозов мотоцикла: изящная, вся затянутая в тонкую черную кожу, наземь спрыгнула журналист Ольга Белова:

– Я не опоздала?

– Привет, акула пера… Боюсь, мы – оба опоздали… – Не задерживаясь, Корсар устремился в двери.

Ольга только устанавливала мотоцикл на подножку.

– Где вас там искать? – крикнула вослед Корсару девушка, окинув взглядом многоэтажный магазин.

– Мимо не пройдете, – бросил Корсар, оглянувшись, увидел чуть поодаль стройного господина в модном пиджаке, темных очках, седого; успел заметить, как Ольга Белова обменялась с господином мимолетным понимающим взглядом, в памяти даже всплыло нечто похожее на «профессор» или «академик», но где и когда Корсар встречал его – так и не вспомнил. Да и – некогда было.

---

[1] Капелюх – шляпа (*укр.*). Но в таком значении слово «капелюх» употребляется и в России: заядлыми парильщиками и заядлыми рыбаками.

Корсар отчего-то нервничал. То ли от недосыпа, то ли все-таки от легкого похмелья… Оглянулся – нигде ничего похожего ни на скопление людей, ни хотя бы на подготовку к презентации…

Хотя – что он: в магазине – четыре этажа, отделов не счесть, а он… Увидев проходящую мимо сотрудницу в униформе и с беджиком, на котором значилось «Татьяна», Корсар скроил на лице жизнеутверждающий оскал, по крайней мере, Дима подумал, что выглядит так лучше, чем…

– Татьяна! Только вы сможете мне помочь!

Полноватая девица остановилась, замерла, глядя на Корсара глазами сытой коровы – на него и как бы сквозь. Впечатление усиливалось ритмично пережевывающими «двойную свежесть» челюстями.

– Я автор, и у меня сегодня здесь презентация книги…

Губы Татьяны сложились в подобие улыбки, и не понять, чего в ней было больше – ленивого презрения или равнодушного превосходства:

– Я – маркетолог. Вам нужно в отдел public relations.

Она двинулась было дальше эдаким плавным круизным теплоходом, белым и сиятельным, но Корсар довольно невежливо заступил ей дорогу:

– А где…

– Второй этаж, направо.

Он хотел еще что-то спросить, но в глазах вдруг помутнело, фигура Татьяны растроилась и расчетверилась, удаляясь; свет померк; все окружающее – предметы, лица, полки сделались резко контрастными – настолько, что стало больно глазам. Корсар прикрыл веки, помассировал пальцами.

– Вам помочь?

Корсар с трудом разлепил ресницы; веки резало так, будто насыпали песка; он чувствовал, что глаза слезились; в конце концов ему удалось сконцентрироваться на лице молодого человека в униформе продавца, со скучающей улыбкой на худощавом, лошадином лице.

– Вам помочь что-то выбрать?

– Да. У меня сегодня в вашем магазине презентация книги, и…

– В нашем магазине свыше ста тысяч наименований книг. Скорее всего, презентация состоится в соответствующем отделе.

Молодой человек подошел к стойке с монитором компьютера:

– Как название вашей книги?

– «Грибница».

Молодой человек быстро пробежался пальцами по клавиатуре, сообщил равнодушно:

– У нас такой книги нет.

– Не может быть! – с какой-то агрессивной яростью, совершенно ему несвойственной, хрипло прокричал Корсар; но и то, что «прокричал», – ему только показалось: горло сдавил спазм, и вместо крика слышалось сипение.

Молодой человек потянул носом, чуть поморщился:

– Может быть, вам стоит зайти в бар напротив и выпить кофе… с коньяком? Или – коньяк без кофе?

Внезапный порыв ярости накатил на Корсара, кулаки непроизвольно сжались; и желание было одно – броситься на этого педанта с лошадиной физиономией и въехать ему в тонкий костистый нос… Не желание даже – жажда… Усилием воли Корсар переждал охватившее его вдруг наваждение, лоб обметали бисеринки пота…

Продавец по-своему истолковал перемены в лице Корсара: авторы, они все – психи. Кто – немного, кто – по-крупному. Он повернул монитор к Корсару, сказал:

– Посмотрите сами…

Корсар уставился в экран, прочел, беззвучно шевеля губами:

– «Грибные супы», «Грибные места Подмосковья», «Чайный гриб», «Грибной царь»… Но мне же точно сказали…

– Попробуем поиск по имени автора? Как ваше имя?

– Корсар.

– Это – псевдоним?

– Фамилия. Редкая.

– Да уж… А зовут, простите? У нас – тридцать пять тысяч авторов и…

– Дмитрий Корсар.

Продавец набрал на мониторе, кивнул:

– Есть. Третий этаж, отдел 3Б, серии «Загадки и артефакты».

– Спасибо!

– Вот только название… – продолжил было продавец, но Корсар его уже не слышал, устремившись вверх по лестнице.

Через минуту он был в отделе. Никакой презентации не было и в помине, редкие покупатели слонялись между стеллажами, и тут – Дмитрий увидел книгу. Тот же формат, и фамилия на обложке – Дмитрий Корсар, на оборотной стороне – его фотография, вот только название…

На книге, на мрачном серо-коричневом фоне красовалось стилизованной готикой: «Дмитрий Корсар. «ГРОБНИЦА».

Он быстро встряхнул книгу, пролистал – содержание – безалаберный и бессистемный набор статей из его прошлых книг; рисунки – вообще невесть откуда взявшиеся…

Шею защемило, холодная изморозь пробежала по спине и рукам судорогой – до кончиков пальцев так, что Корсар едва не выронил книгу.

– Эта – наша новинка. Поступила только сегодня. Дмитрий Корсар – известный культуролог и аналитик; мы рекомендуем его книги только вдумчивым и интеллектуальным читателям, таким как вы…

Дмитрий обернулся. Продавщица «Надежда», в фирменной униформе, заученно и приветливо щебетала текст… Что уж было в глазах Корсара в этот миг – неведомо, но… девушка инстинктивно сделала шаг назад…

– *«…только что погиб известный культуролог и аналитик по проблемам древних и загадочных культур и цивилизаций Дмитрий Корсар…»* – услышал он вдруг несущееся по залу.

В центре зала висел плоский плазменный телевизионный экран. Программа «В последний час». На переднем плане стоял бритый наголо репортер в шведке и темных очках, на заднем плане – машина скорой помощи, в которую грузили прикрытое простыней тело. Чуть поодаль валялась широкополая шляпа и плоский мобильный…

Действуя по наитию, словно сомнамбула, Корсар вынул мобильный, набрал номер Бурова и увидел, как завибрировал лежащий у машины телефон…

– Сашка… – произнес Корсар одними губами. Он вспомнил, как Буров вчера ночью примерял шляпу и очки, стремясь быть похожим на его, Корсара, фотопортрет, прикрыл глаза… Странная, горькая боль пронзила тело…

– *«…на вопрос, был ли наезд автомобиля случайным, или это было намеренное убийство, нам не ответили. Но посетители кафе, расположенного в этом же доме, утверждают, что автомобиль стоял некоторое время, потом резко сорвался с места…»*

– Сашка…

…Корсар коротко, без замаха, бросает несколько гранат. Товарищ, прошитый вражеской очередью, замирает. Взрыв гранаты рядом – и еще двое пограничников, полуприсы-

панные, замирают безжизненно. Корсар жестко огрызается короткими очередями, хрипит в микрофон рации: «Огонь на меня! Огонь!»

...Буров двумя короткими очередями в упор расстреливает двоих «духов», появившихся на бруствере окопчика…

...Они остаются вдвоем – раненные – Корсар и Буров – спина к спине и ведут огонь по приближающимся «духам»…

– Вы хотите купить? – словно сквозь вату услышал Корсар голос хорошенькой продавщицы, все еще стоящей рядом.

– Что? Да.

– Пройдите к кассе, пожалуйста.

Корсар кивнул автоматически, потом спросил:

– Где я могу найти товароведа?

– Первый этаж, направо, комната девятнадцать. Только…

Корсар ее уже не слышал. Он устремился вниз.

Мыслей не было никаких. Наверное, он принял бы все это за плохой и неудачный розыгрыш, если бы не телекартинка и не слова ведущего… Десять лет назад Сашка Буров выжил там, на таджикско-афганской границе, чтобы теперь – умереть?.. Вместо – него? Почему?

Состояние Корсара было странным: то ему казалось, что он еле плетется, то, напротив, летит по ступенькам вниз так стремительно, что еще секунда, и он не успеет переставить ногу и – упадет… И еще – саднила шея… Вернее – от шеи к голове шел какой-то жар, и оттого все вокруг казалось то блекло-мутным, то, напротив, контрастно-ярким, черно-белым, тревожным и пугающим…

Он спустился, вошел в административное крыло, пронесся мимо ряда дверей, влетел в комнату товароведа. За столом восседала эдакая советская тетка, в годах, в перманенте и с унизанными перстнями пальцами. На столе стоял монитор компьютера, рядом – принтер; но тетка была занята другим: пила чай. Вернее, это только так называлось: на аккуратных скатерках перед ней были разложены в изобилии бутерброды с ветчиной, икрой, семгой, маслом и сыром; огромная кружка с чаем – с алыми маками, и чуть в стороне – шкалик дорогущего коньяку, почти пустой. Похоже, коньяку в чае было никак не меньше, чем воды.

Тетка подняла на Корсара спокойные, коровьи глаза, скомандовала низким, грудным голосом:

– Гражданин! Выйдите из помещения!

Корсар ее даже не услышал:

– Скажите, откуда и когда поступила в ваш магазин вот эта вот книга!

– Да вы кто такой, собственно? В чем дело?

Возможно, будь у Корсара хоть какое-то подобие «красной книжечки», он тут же пустил бы ее в ход, но ничего, кроме прав… Да и – мысли плавали в продолжающей гореть голове едва-едва, как лохи[2] на прогретой отмели…

– Я автор и…

– Гражданин, я вам ясно сказала: выйдите из помещения! – Тетка брезгливо взглянула на обложку «Гробницы», передернула могучими плечами, добавила: – И уберите со стола *это ваше творение*…

То, что случилось следом, никто не ожидал, ни сам Дима, ни тем более товароведша.

[2] Лох – рыба, которая водилась раньше повсеместно. Разогревшись на отмелях, впадала в такую лень и ступор, что ее спокойно ловили руками. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

Одним движением Корсар смел со стола все: чашку, бутерброды, какие-то бумаги, ручки… Чашка с грохотом раскололась о пол, терпкий запах коньяка поплыл по небольшой комнатке…

– Да ты пьяный! – взвизгнула было тетка, вскочила, но – тут же опустилась объемной задницей обратно, в массивное кожаное кресло, буквально вбитая в него тяжелой дланью Корсара.

– Когда и от кого поступила эта книга? – проговорил он, четко отделяя слово от слова, бледный – от бешенства и сдерживаемой ярости…

– Что… что вы себе позволяете… я сейчас милицию… охрану… – залепетала тетка и – замолкла разом. Нож для разрезания бумаги, что допрежь мирно покоился на столешнице, молниеносно прочертил в воздухе дугу и с треском впился в стол прямо перед администраторшей. Тетка замерла, побелела и как-то сразу оплыла молча – то открывая, то закрывая рот, словно выброшенная на горячий песок глубоководная рыба.

– Вы поняли вопрос? От кого и когда?

Тетка беспомощно заметалась взглядом по комнате, Корсар протянул ей початый шкалик коньяку, та схватила жадно, опростала мигом, выдохнула:

– Ща… посмотрю… все накладные у нас в компьютере… – Она споро защелкала мышкой, кивнула на экран: – Вот. Вчера вечером. Издательство «Око».

– В распечатку!

– Ага…

А Корсар видел в этот момент собственный кулак, словно сжатый судорогой, стиснутый на рукояти разрезного ножа…

Поднял голову, рассмотрел свое отражение в стекле стенного шкафа – оно плыло куда-то вдаль, и в этом бледном человеке с красными, словно с перепоя, белками, с затаенной паникой в глубине глаз он с трудом признал самого себя… Невероятным усилием воли он заставил себя разжать кулак, долго смотрел на руку, как на чужую…

А тишину – разрезала мелодия мобильного. Корсар взглянул – Буров. Он мгновенно поднес трубку к уху.

– Шея болит? – услышал он незнакомый голос.

– Что? – Интуитивно Дима поднял руку к зудящему, горящему месту, куда его укусил «овод».

– Шея… Голова… Спазмы… Легкий тремор… Тревога… Страхи… Беспокойство… Нарушение концентрации и координации… Порою – отчаяние…

– Кто это?

Да. Голос был чужой: вкрадчивый, размеренный, мягкий, он слышался словно сквозь ватную стену…

– Покраснение белков глаз… иногда небольшие галлюцинации… Все это – последствия… – Голос замолчал на какое-то время, добавил с другой, визгливой интонацией и тембром: – Вы знаете? А ведь вас – убили!

– Убили другого…

– Вас… Именно вас… Снадобье действует уже чуть больше часа…

– Какого черта?!

– …а это значит – вы умрете через двадцать три часа. Или – чуть раньше.

Внезапно, вспышкой, Корсар вспомнил странную боль – там, во дворе, и мужичонку, шаркающей походкой уходящего в арку… Овод? Какие к лешему оводы в июне в центре Москвы?!

– Что с Сашей Буровым? Он жив?

– О себе беспокойся… Я еще позвоню…

В трубке раздались короткие гудки.

В ярости Корсар раскрошил телефонный аппарат об пол, растер осколки ногой, повторяя навязчиво:

– Суки… суки… суки…

Выдернул из принтера распечатку и вылетел прочь из кабинета, хлопнув дверью.

Он уже выходил из магазина, когда высунувшаяся из двери товароведша заверещала неожиданно высоким дискантом:

– Охрана! Охрана!

Парнишка в униформе у входа сделал было шаг наперерез, но Корсар быстрым, взрывным ударом кулака сшиб парня на пол, где тот и остался лежать бездвижно. Корсар выскочил на улицу, открыл дверцу автомобиля.

– За вами не угонишься… – Ольга Белова была рядом. – Так могу я рассчитывать на интервью?

– Нет.

– Почему? Ведь вы обещали…

– Меня – убили.

– Да? – Ольга приподняла бровь. – И – давно?

– Час назад.

Корсар захлопнул дверцу, и джип сорвался с места.

– Действительно, выглядишь ты неважно… – тихо произнесла девушка, провожая глазами машину. – Хотя – бывает хуже.

– *Вариант «Омега» завершен штатно. Конец связи.*

Глава 2

Автомобиль Корсара мчался по улице, нарушая все мыслимые правила и правила немыслимые тоже, обходя рывками другие машины, выруливая порой на встречную, разворачиваясь в неположенных местах, проскакивая проходными дворами на высокой скорости… Он стремился к дому.

Нацепил наушник, набрал на запасном мобильном номер.

– Да, – ответили ему.

– Лёшка? Это Корсар.

– Дима, если у тебя что-то срочное… у меня через пять минут совещание.

– Понял, генерал. Уложусь. Примерно час назад возле моего дома автомобиль сбил Сашку Бурова.

– Насмерть?!

– Скорее всего. Он был одет как я. Сложения и роста мы одинакового.

– Подожди, откуда ты…

– По телевизору увидел! Найди его, Игнатов! Должность-то у тебя генеральская… Морг, больница – я не знаю!

– Где он прописан?

– Понятия не имею! Не видел почти десять лет, вчера случайно встретились.

– Как он оказался у тебя дома?

– Выпивали. Он дурачился – примерял шляпу, очки, как на книжной фотографии.

– То есть ты хочешь сказать, хотели сбить тебя, а…

– Возможно.

– Почему?

– Пока сам не знаю. Я написал книжку. Она – вышла. Но – другая и под другим названием.

– Под каким?

– «Гробница».

– Мрачновато. Слушай, у меня время совсем кончается…

– Найди Сашку…

– Если повезет…

Генерал Алексей Викторович Игнатов нажал отбой. В его кабинете царил полумрак; шторы были занавешены. Он нажал кнопку, в кабинет вошел офицер с погонами лейтенанта.

– Определите местонахождение объекта по номеру мобильного телефона, – Игнатов скосил глаза на свой смартфон, продиктовал номер, с какого ему звонил Корсар, – и отслеживайте все его перемещения.

– Есть.

– Докладывать мне лично каждые тридцать минут.

– Есть. Псевдоним объекта?

– Пират.

– Есть. Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

Офицер строево развернулся и вышел из кабинета. Генерал Игнатов выдвинул ящик стола, достал оттуда стаканчик и игральные кости, пробормотал «Если повезет…», встряхнул несколько раз стаканчик с кубиками и выбросил на стол. Все пять легли как по заказу: шестерками вверх.

– «Покер на тузах»… Повезет…

Генерал встал, подошел к окну, отодвинул штору, прищурился от режущего солнечного света… Ободки век были красными, как и белки глаз, словно он не спал несколько суток или беспробудно пил это же время. Полковник вынул из кармана кителя футляр, оттуда дымчатые очки, надел.

– Через пять минут начинается совещание у начальника управления… – напомнила секретарша по селектору.

– Очень хорошо, – сквозь зубы процедил Игнатов, подошел к столу, выдвинул другой ящик: там была черно-белая фотография в рамке: Таджикистан. Он, Игнатов, в центре, в полевой форме капитана, по бокам – сержанты Буров и Корсар. Игнатов некоторое время смотрел на фото, потом задвинул поглубже в ящик. – А что делать? Кесарю – кесарево. А Корсару – Корсарово.

Развел губы в оскале, весьма отдаленно напоминающем улыбку, встал и покинул кабинет.

…Корсар проскочил проходной двор, вырулил на улочку с односторонним движением – до его дома оставалось метров двести, когда…

Дорога перед ним словно пропала, потекла расплавленным гудроном, автомобиль будто повело куда-то в сторону, дома приобрели все тот же, контрастно яркий вид, а солнце стало ослепительным и ослепляющим…

Корсару казалось, что его автомобиль просто несет потоком, как несет могучая река мелкую щепку… Вот только поток этот черен, вязок, а впереди, прямо поперек него, застыла молодая женщина с искаженным от ужаса лицом, с детской коляской…

А его руки – просто свело судорогой. Невероятным усилием воли Корсар повернул рулевое колесо, завалившись вправо всем корпусом… Автомобиль грузно ударился в ограждение и замер. А Корсар продолжал сидеть недвижно: лицо его обметало холодным потом, резь в глазах была нестерпимой; одним движением он достал из бардачка светофильтровые очки и надел.

И мир вокруг – обрел покой. Потемневшая листва вяло колыхалась под дуновением знойного ветерка, редкие прохожие спешили по своим делам, женщина с коляской уже въезжала на тротуар… Асфальт перестал казаться жидкой массой. Корсар тронул автомобиль и черепашьей скоростью добрался до дому. Поднял взгляд и уперся в знакомую вывеску: кинотеатр «Иллюзион». Усмехнулся невесело, спрыгнул с подножки машины и пошел было в арку дома, как его окликнули:

– Дима?!

Он обернулся. На пороге кафе, располагающегося на первом этаже дома, стоял Гарик, владелец. Сигарета застыла в губах, а когда Корсар обернулся, так просто-напросто выпала.

– Ты?!

Корсар подошел к Гарику:

– Ты что такой удивленный?

– Так тебя же… машина сбила.

– Да?

– Часа полтора назад. Аня сама видела.

– Как интересно. Она занята?

– Да не очень. Посетителей раз-два и обчелся… Зайдем, кофейку выпьешь… А то вид у тебя, прямо скажем, неважнецкий…

Они вошли, заняли столик в углу.

– Аня! – позвал Гарик. – Принеси три чашки кофе! Покрепче! И – коньяк! Мой, личный!

Девушка увидела Корсара, с губ ее слетело девичье «Ой!», но вид начальника рядом напрочь не предполагал слез и всяких бабских терзаний по поводу страхов, настоящих или вымышленных. Через минуту она уже была у стола с тремя чашками крепчайшего кофе.

– Присядь. Рассказывай.

Аня, все еще с некоторой опаской поглядывая на Дмитрия, тихонько спросила Гарика:

– А… что рассказывать?..

– Можешь меня потрогать. Я – живой, – скривив губы, произнес Корсар, а в памяти тут же всплыло слышанное по телефону: «Тебя убили».

Девушка осторожно коснулась руки Корсара, несмело улыбнулась.

– Что мнешься, рассказывай! – подбодрил ее Гарик.

– Не знаю даже, с чего начать…

– С начала.

– Ну, вышла я, значит, на порожки, покурить, Гарик Ашотович нам курить в помещении запрещает…

– И сам не курю, заметь, – поправил Гарик.

– Ну вот: на машину ту я сразу обратила внимание. Какая-то она была… хищная, что ли.

– Марка? Цвет?

– «Японка». Полуспортивная, черная или очень темная – синяя, или «гнилая вишня», – это я не запомнила. Стекла были тонированы вглухую. Стояла метрах в тридцати, у обочины, но мотор работал – дымок вился.

– Почему все-таки ты на нее обратила внимание?

– Не знаю. Страшная какая-то, и все.

– Женская интуиция, – авторитетно вставил Гарик.

– Что дальше? – спросил Корсар.

– Дальше? Пошла работать. А минут через пять – скрежет покрышек по асфальту, визг, и – ты лежишь у бордюрчика…

– Я?

– Ты. Шляпа твоя откатилась – я что, шляпу твою не знаю или пиджак? Пиджак на тебе от «Хендерсон» был… Ну, вернее, на том, который лежал…

– А лицо ты не разглядела?

– Так ничком лежал, лицом вниз. И сложения твоего. А машины той – и след простыл.

– Ждала, – вставил Гарик. – Тебя и ждала. Если полуспортивная, то она с места за пять секунд сотку набирает… Тридцать метров – разбег порядочный. Поддала парня капотом, решив, что ты, – и была такова.

– «Сыр выпал, с ним была плутовка такова…»

– Какой сыр?

– Это я думаю. Слушай, Анюта, а откуда так скоро телевизионщики прорисовались?

– Ну – это просто. Как раз перед тем фургончик Седьмого канала во двор зарулил, Вальку Самоцкую подхватить, она у них исполнительным продюсером, что ли… Ну, которая с тем перцем из Магнитогорска здесь в семикомнатной живет; вернее, он – наездами бывает, а она – прислонилась к богатому мужчине и прижилась… Хотя, если разобраться – ни кожи ни рожи и попа – с пятачок!

– Не завидуй, Анна! Нехорошо это. Тебе у меня плохо, да?

– Да замечательно, Гарик, только…

– Замуж тебе надо. Не в приживалки, а – замуж. За хорошего человека.

– Да они вповал на дороге не валяются, хорошие-то…

– Хорошие – вообще не валяются. Они – деньги зарабатывают.

– Ребята, вы отвлеклись…

– Извини, Дима, – покраснела Анюта. – Короче, как только случилось – телевизионщикам – только технику развернуть: две минуты. И профиль – их. Несчастный случай. Вот так было.

– Знаешь, Корсар, кому-то ты дорогу перешел по-взрослому. – От волнения, видимо, у Гарика усилился акцент. – Хоть знаешь кому?

– Нет.

– Худо. – Гарик помялся. – Если хочешь, я своей крыше отзвонюсь, потолкую, подъедут. Ты не думай, там спецы – те еще волки. Помогут, чем смогут. Не бесплатно, конечно…

– Не надо.

– Как знаешь. Хозяин – барин. Ты тогда хоть своей звякни…

– Нет у меня крыши.

– Да ты что?! Москва – город сложный. Кто же тогда твою голову соблюдет, без крыши-то?

– Бог.

Гарик помолчал некоторое время, потом сказал:

– Так-то оно так, но… Я вот тут в одном фильме слышал американском: «Хочешь рассмешить Господа Бога – расскажи Ему о своих планах». Что, скажешь – не так?

– И – что? Я – русский.

– И – что? – в тон ему повторил Гарик. – Вера у нас, армян, с вами – одна.

– Пословицы разные.

– Да? А, помню. На Бога надейся, но сам – не плошай.

– Это теперешняя интерпретация.

– Как это?

– Наши современники заменили исконно существовавший в пословице соединительный союз «и» разделительным «но». И смысл – исказился.

– И как правильно?

– На Бога надейся *и* сам не плошай.

– Так лучше, – примирительно кивнул Гарик.

– Спасибо тебе. И тебе, Аня. Пойду.

Они пожали руки, и Корсар направился к выходу.

– И сам – не плошай, – тихонько проговорил ему вослед Гарик, а Аня едва заметно – перекрестила православным знамением.

Глава 3

Дима стремительно вошел в арку, что вела во двор, и тут же остановился: навстречу ему неторопливо шествовала соседка, Роза Соломоновна Гай, вдова известного советского литератора Пантелеймонова и бессменный сопредседатель всех и всяческих комиссий, комитетов, подкомитетов по расследованию бесчинств «сталинских сатрапов», «брежневских маразматиков», «андроповских выдвиженцев», «ельцинских проходимцев» и «лужковских махинаторов». Она буквально раскинула руки, перегораживая Корсару проход, потом взяла под локоток, напористо воткнула в угол арки, прикрыв Диму от белого света могучим телом и широкой панамой с бахромой, купленной где-то в Абхазии году эдак в шестьдесят втором, не позже.

– Дмитрий, это – вы?

– Да.

– И вы еще ничего не знаете?

– Кроме того, что меня два часа назад убили, – ничего нового.

– И вы можете шутить со смертью? Ну да, молодежь… Ничего запретного… В наше время такие шутки часто заканчивались трагически. В подвалах Лубянки. Вы бывали в подвалах Лубянки?

Роза Соломоновна преувеличивала. Ни она сама, никто из ее родственников в таком экзотическом для нашего времени месте не был. Женщина была типичная «шестидесятница» и о «подвалах Лубянки» только читала – у Солженицына и Гинзбург.

– Роза Соломоновна, мне срочно нужно домой…

– Боже ж мой, как вы нетерпеливы! Как раз домой – вам нельзя.

– Почему?

Роза Соломоновна понизила голос до шепота, хотя в арке не было больше ни души:

– У вас дома – КГБ.

– Да ладно…

– Уверяю вас! Этих молодчиков я узнаю по походке. – Она понизила голос до шепота. – В семьдесят пятом, уже после того, как выслали Александра Исаевича, *к нам* домой *тоже* приходили. Вот такие вот м*о*лодцы. Искали. Но ничего не нашли. Да и что они могли найти у писателя земли Русской Василия Пантелеймонова? Мой муж был осторожен, как настоящий подпольщик. Ничего, кроме фотографий обнаженных девиц. Я потом беседовала с мужем, так знаете, что оказалось?

– Что?

– Эти скабрезные фото ему подкинули те же молодчики! Он мне клялся, что – таки да! А как *они* могли еще дискредитировать Василия Ивановича? Но… разве прозаика Пантелеймонова можно было дискредитировать *этим*? Когда они ушли, я буквально хохотала – им в лицо! Хохотала!

Корсар вспомнил: Пантелеймонов писал какие-то бесконечные романы о деятелях революции «второго ряда» – Баумане, Кржижановском, Косиоре, Бонч-Бруевиче, и иных, и прочих – несть им числа. И в серии то «Горение», то «Пламенные революционеры» раза два в год выходили писанные им книги, переводились на все языки народов СССР и – давали семье немалый достаток. Да что там немалый: титульные писатели во времена СССР были официальными советскими миллионерами!

Корсар представил, как Роза Соломоновна «хохотала в лицо» уже удалившимся кагэбэшникам, кашлянув, едва сдержал улыбку, произнес насколько мог серьезно и значимо:

– Он был чист как стекло. Стальной человек.

Корсар задумался, что бы еще сказать вдове приятного о покойном муже, но, кроме определений «медный лоб» и «железобетонный бабник» – так его звали коллеги, – ничего в голову не приходило.

– Естественно. Но с тех пор – вы же знаете мою наблюдательность – я этих гэбистов за версту вижу. Вы мне верите? Да тут и видеть нечего: все как монеты одной чеканки – в темных костюмах, в темных очках…

– Люди Х.

– Что, простите?

– Кино вспомнил, про инопланетян.

– Да какие инопланетяне?! Чистые юные пионэры. Но – с Лубянки. – Она снова понизила голос, прошептала: – Думаю, у вас уже обыск.

– Вот даже как…

– У вас раньше бывали обыски? Вам есть что скрывать?

– Фотографии обнаженных девиц если только…

– Сейчас за это не привлекают. Вы все-таки пойдете?

– Я – чист перед законом.

– И – что? Кого и когда сие спасало в этой стране? Будьте бдительны, Корсар. Не поддавайтесь на провокации. Обещаете?

– Ни за что.

– Будет жаль, если такого привлекательного молодого человека упекут в Соловки. «Во глубину сибирских руд», – как сказал поэт. Да. Это – многих славный путь, но лучше обойтись без этого, нет?

– Вы абсолютно правы, Роза Соломоновна.

– Надеюсь, о нашей встрече они не узнают?

– Будьте покойны…

– Покой… Зачем старому человеку покой?

Качая головой, она пошла дальше, обернулась, погрозила Корсару указательным пальцем:

– А вы не так просты, да?

– Думаю, это просто недоразумение…

– А мы всем соседям так и будем говорить…

Вышла из арки и – скрылась за поворотом.

Что бы ни накручивала Роза Соломоновна, но была она наблюдательна и вовсе не заполошна. Войдя во двор, Дима боковым зрением отметил на лавчонке «читающего газету» молодого человека атлетичного сложения, в темных очках и темном костюме. Лавочка, на которой поутру сидел странный пенсионер… В этот час дня она стояла на самом солнцепеке, и, чтобы выбрать это место для знакомства с прессой, нужно быть истинным мазохистом. Или, как водится, героем.

«Нормальные герои всегда идут в обход», – напел Корсар и вошел совсем в другой подъезд. В подъезде было темно и прохладно, он снял очки, въехал на четырнадцатый этаж, позвонил в дверь.

Здесь жил Тимофей Павлович Бороватов, пятидесяти с гаком лет от роду; некогда, в бытность еще в стране налоговой полиции он служил в оперативном управлении ея неким средним чином, и, когда пришла нужда кого-то отослать на Крайний Север начальником управления – то ли на Ямал, то ли где-то рядом, но тоже очень холодно, – послали его. Другой бы горевал, но сам Бороватов вспоминал о том времени ласково: «Под ноги глянешь – а там то самородок, то – алмаз! Ну как тут не жить? Сам живи – и другим жить давай!»

Из командировки он вернулся через три года – барином; купил роскошную квартирку, отдербанил у кого-то в Подмосковье сеть магазинов, переименовал звучным названием

«Тимоня», бизнес развил на города и веси… Из налоговой, понятно, уволился по выслуге и без скандала, а через неделю ее и закрыли – указом президента. И с той поры жил себе припеваючи – кум королю. Правда – пил. И не просто так – а редкими, но могучими запоями. Корсар однажды по-соседски закрутился с Тимоней дня на три и – прямо по анекдоту: «Лучше бы я умер вчера!»

Едва Корсар тронул кнопку звонка, дверь распахнулась чуть не настежь; Палыч, одетый в отороченную соболем чуйку, был под свежим хмельком – если и запил, то день второй-третий: подъем сил и энергии. Узнав Корсара, он только и сказал:

– О! Здорово, Митюха! А сказывали, тебе трындец! Нет? Так заходи, оживлять тебя будем!

Дима прошел в гостиную. Там обретались две девчушки самого субтильного возраста; из одежды на обеих по летнему времени присутствовали только легкие босоножки на каблучках. Одна, присев к роялю «Беккер», беглыми пальчиками наигрывала что-то из Грига, другая меланхолично курила длинную папироску с анашой.

– Да у вас тут оргия…

– Оргия была вчера. Сегодня – отдохновение организма, – радостно пояснил Палыч, поболтал в бокале льдинками, допил: – Будешь?

– Нет.

– Слушай, Митюха, а ведь я точно по телику видел, будто тебя придавили? И вроде даже до смерти? Или – глюки?

– Точно. Ошибочка у них вышла.

– Да? И – надолго? – Палыч склонил голову набок и смотрел на Корсара здраво и трезво.

– Надеюсь – навсегда.

– Ну-ну… А что у тебя с глазами?

– Да… – Корсар замялся, выдумывая объяснение, но Палыч его и не слушал:

– Анекдот знаешь? Наркоша мчит на мотоцикле, глаза красные, твердит: «Остановит гаишник, спросит: «Чего глаза красные? Обкурился?» – отвечу: «Нет, ветром надуло». Едет и твердит: «Обкурился?» – «Нет, ветром надуло»… Останавливает его гаишник, спрашивает: «Чего глаза красные, ветром надуло?» – «Нет, обкурился!»

– Смешно, – скривил рот Корсар.

– Понимаю. Накрыло. И не попустило. Кофе, коньяк, папироску?

Девушки заинтересованно разглядывали Корсара; та, что у рояля, закончила вариации, встала, подошла, прильнула к Палычу, проворковала:

– Тима, познакомь с мужчиной…

– Я не остаюсь. – Корсар отчего-то покраснел вдруг.

Девица приняла его смущение на свой счет, произнесла:

– О! Ну надо же! Такие еще бывают, – и, расставив безукоризненные ноги, потянулась всем телом…

Но покраснел Корсар вовсе не от смущения наготой девушки – кого нынче этим смутишь? Ему вдруг стало отчего-то стыдно врать Палычу – хотя бы оттого, что он абсолютно в эту ложь не поверит. Впрочем, Корсар и правды сказать не мог – оттого, что не знал. Что происходит, почему? И единственное, чего он боялся и там, в кафе, и сейчас, – что его накроет вызванное неведомым снадобьем наваждение и тогда… А что тогда – он и сам не знал. Новый взрыв почти немотивированной агрессии? Или – «жуткая измена»: когда стены станут текучими, гостиная начнет сдвигаться до размеров спичечного коробка, девицы предстанут ведьмами, а Палыч – вурдалаком…

Корсар тряхнул головой. Только этих мыслей не хватало сейчас «для полного щастя»!

– Слушай, Палыч, я чего забежал? Я тут дверь захлопнул, ключ – дома оставил. Может, я через твой балкон?

– Ты точно не траву курил?

– Нет.

– Но вид у тебя… Давай, Митюха. Руки у тебя вроде хваткие.

– Это у тебя, Тима, хваткие, – поправила девушка с сигаретой. – А у молодого человека – сильные.

– Ты понял, Митюха, какие подруги? С виду – дуры дурами, а завоспитывали, как… кролика!

– Бывает, – пожал плечами Корсар, двинулся на балкон.

– Бывает, что и за рупь убивают… А бывает, что и за два – не трогают… – пробурчал ему вослед Тимоня привязавшуюся пословицу.

Солнце резануло по глазам, едва Корсар вышел на балкон. Он надел очки, перелез ограждение, чуть спустился и завис на пальцах на краю балкона. Вытянувшись во весь рост, дотянулся ногами до узкого декоративного парапета, некоторое время помедлил, чувствуя, как сердце падает куда-то в пустоту, и – отпустил руки. Некоторое время постоял, приникнув всем телом к стене, потом – потихоньку начал передвигаться в сторону флигелька, к распахнутому окну собственной квартирки.

Сторожко заглянул: двое мужчин в темных костюмах и черных очках собирают и пакуют его ноутбук, записи, бумаги, еще один тщательно обследует специальным прибором стены и пол в поисках тайников… Работают несуетливо, спокойно…

«И – никаких понятых… Как и следовало ожидать… Нет, это не государство…» – пронеслось в голове. Но Роза не соврала – все они действительно были чем-то похожи, словно монеты одной чеканки… И еще одна мысль буквально пронзила все его существо: «Какие-то отморозки сбили Сашку, а теперь хозяйничают в квартире!»

И дальше – Корсар не думал. Неожиданно свет померк, мир снова сделался рельефным и контрастным, стена показалась мягкой и гуттаперчевой, она словно прогибалась под его ладонью… Страх мелькнул искрой и тут же – исчез, а на смену ему пришла вдруг холодная, всесокрушающая ярость… Совсем не та, бездумная и жесткая, что накатила на него в книжном, – расчетливая, ясная и острая до того, что кончики пальцев заколoло, словно ледяной изморозью.

Одним движением он запрыгнул на подоконник, вторым – метнулся на ближнего из парней, сбил с ног, перелетел по инерции через него. Локтевым сгибом левой руки перехватил парню горло, правая – юркнула под пиджак, и ладонь уперлась в ребристую рукоятку пистолета.

Парень дернулся дважды – его напарник успел выхватить ствол и выстрелил на движение, но попал в своего. Корсар выдернул пистолет, выстрелил в ответ – второй с дыркой во лбу упал, как сбитая кегля.

Тот, что возился с металлоискателем, прыгнул на Корсара с места. Корсару показалось, что на него рухнуло бетонное перекрытие – его враг, казалось, состоял не из мышц и сухожилий, а из сплетенной железной арматуры; пистолет отлетел куда-то, они покатились по полу, сцепившись, словно два барса, рыча от ярости и злобы. Парень притиснул Корсара к полу, отвел руку – нанести разящий, сокрушительный удар, Корсар выгнулся дугой, мостиком, одним движением стряхнув с себя противника, и ударом под основание носа загнал хрящ переносицы тому в мозг.

Вскочил, нервный, разъяренный, готовый крушить и разносить все на свете, – когда в двери показался четвертый, с коротким УЗИ с глушителем… Прыжком Корсар взлетел на подоконник другого окна и с него прыгнул на крышу двенадцатого этажа… Пули веером простучали по подоконнику, противник подбежал к окну, выглянул…

Приземлился Корсар на полусогнутые, откатился под основание скульптуры рабочего, замер, когда новый веер пуль буквально вздыбил пыль и цемент рядом… И, как только услышал щелчок затворной рамки – выпущен весь магазин, – рванул к слуховому оконцу, с маху проломил его и – оказался на лестнице.

Лифт – капкан, поэтому Корсар рванул просто по лестнице… Тревожило его только одно: если у ребят есть рации, а они должны у них быть… И точно: дверь внизу хлопнула, несколько пар ног – наверх…

Думать было некогда. Корсар позвонил сразу в две квартиры. Из-за одной спросили: «Кто?», Дима уверенно рявкнул: «Горгаз! Утечка газа! Возможен пожар!» – и, едва дверь приоткрылась, дернул ее на себя, подхватил в объятия ветхого старичка, закрыл дверь и задвинул засов, поставил старичка на место, спросил:

– Где балкон?

– Там… – Старичок махнул в сторону гостиной, добавил: – А газ – на кухне…

– Очень хорошо! Никому не открывать! Иначе взрыв! Понятно?!

– Но запах газа я бы почувствовал…

– Задача ясна? – Теперь Корсар буквально навис над стариком, который, судя по ветхости и худобе, помнил еще первую Русско-японскую войну…

– Так точно, – неожиданно ответил старик. – Стеречь дверь!

– Молодца! – похвалил Корсар, в мгновение пересек комнату, оказался на балконе…

Дальнейшее было делом техники: с этого балкона – на нижний. Снова на нижний, снова… На крышу кафе, где они мирно беседовали с Гариком Аветисяном, на газон – Корсар перекатился по нему, вскочил на ноги…

Из арки выбежали двое в костюмах; две пули из «тишаков» почти синхронно чавкнули в травяной коврик…

Корсар рванул через дорогу, лавируя между машинами; тупо палить по всему, что движется, преследователи заопасались: побежали следом…

«Крошка моя, хорошо гулять нам вместе…» – летела из какого-то автомобиля песня… Корсар бежал вдоль по дороге, энергично работая локтями, и даже не умом – страхом ощущал свою незащищенную спину и то, что пуля в любой момент может перерубить позвоночник и он так и останется на этой «беговой дорожке» – сдувшейся резиновой игрушкой…

Визг тормозов раздался совсем рядом; Корсар повернул голову: Ольга.

– Что застыл? – рявкнула она. – Церемонного приглашения ждешь?

Дима оседлал заднее сиденье мотоцикла, прижался к спине девушки, и она – рванула так, что ветер засвистел в ушах… Наклонно прошла поворот, метнулась в какой-то богом забытый «сквозняк», обошла скопище машин на проспекте, искусно лавируя между застывшими в пробке автомобилями, проскочила еще пять или шесть длинных проходных дворов…

Через тридцать минут они были уже в подвальчике-ресторане; сквозь открытые окна задувал теплый ветерок; подвальчик был почти пуст; старые сводчатые потолки бывшего подвала купеческого дома наводили на мысли о бренном и вечном…

Ольга потягивала минеральную, Дима заказал водку с лимоном.

Девушка дождалась, пока он выпьет, внимательно на него посмотрела, кивнула официанту «повторить», и, когда Корсар единым духом осушил второй стаканчик, руки его перестали дрожать и плечи расслабленно опустились и он произнес, глядя прямо перед собой:

– Только что… я убил… двоих.

Ольга чуть прищурилась, спросила:

– Почему?

– Они хотели убить меня.

– Вот как… – Закурила, внимательно посмотрела на Корсара: – У вас это – впервые?

– На гражданке – да.
– А где было раньше?
– На войне. Таджикистан. Но там… были враги. А здесь…
– Неужели – друзья?
– Нет. Тоже враги.
– Тогда выпейте еще – и забудьте.
– Это возможно?
– Когда как. Горькое – лечит.
– Просто я думал… война для меня… кончилась.
– Так все думают, вот только…
– Чужой войны не бывает?
– Да. Рано или поздно она снова цепляет: кого – краем, кого – по полной.

Запахло кровью и вином —
Так скоро битва!
Творим, как строчки аксиом,
Слова молитвы,
И души рвутся по ночам
Поближе к небу,
И сонно жаждется причал
В краях, где не был,
И торим путь по январю
Свинцом свирепым,
И благодарны главарю
В венце нелепом,
За то, что верит он судьбе
В молчанье строгом,
За то, что кажется себе
Почти что богом.
И нам отчаянно дышать
Пред этим утром,
Когда придется умирать
В терпенье мудром,
И верить в то, что воскресит
Под этим небом
И не забудет – одарит
Вином и хлебом[3] —

тихо и размеренно прочла Ольга. Корсар помолчал, спросил:
– Откуда это знаете вы, корреспондент The Daily Majestic?[4]
– Я работала на разные информационные агентства. Мало ли где приходилось бывать… Ну как? Дождусь я эксклюзивного интервью?
– А как вы думаете?
– Уверена, дождусь. Вам же нужно проговорить свои мысли вслух, чтобы понять их.
– Откуда вы знаете…
– Все мужчины – таковы. А из слушателей здесь – одна я.

[3] Стихотворение Петра Катериничева «Кровь и вино».
[4] В дословном переводе – «Ежедневное волшебство», «Чародейство сегодня».

Корсар промолчал. Он лишь чувствовал огромную усталость – то ли за сегодняшний день, то ли за всю свою не такую уж длинную жизнь…

Посмотрел в открытое настежь окно. Летняя Москва словно плыла в теплом мареве; в углах у стен мягко стелился тополиный пух…

– Итак?

– Думаю, с чего начать…

– Начните с чего-нибудь, а там уж все образуется.

– Вчера. Все началось вчера. Примерно в это же время. Обычно летняя Москва для обывателей тяжела и сутолочна…

Глава 4

…Летняя Москва для обывателей – тяжела и сутолочна, и совсем не важно, пешком ли ты бредешь по пыльным мостовым, вяло покачиваясь в ритме движения пешеходов, в подземке ли, по одинаковым плиточным коридорам офисов или – передвигаешься в автомобиле. Частые пробки, застывшие в неземном раздумье на перекрестках девушки «в таких желтеньких-желтеньких машинках», громады «роверов», высокомерно проносящиеся впритык, медлительные катафалки представительских мерсов и «ауди» – все это способно измотать самую благонамеренную душу.

Душу свою от избыточного сквернословия, даже внутреннего, Дмитрий Корсар берег. А потому в знойные летние времена, если уж приходилось бывать в Москве, а не у берегов океана, на островах или где-то еще, – по столице нашей Родины и городу-герою передвигался Корсар на мотоцикле. Была у него и машина.

В общем, в наше непростое время был он не то чтобы богат, но и не беден; проживал в высотном доме с видом на Кремль, откупив в нем отдельный флигелек-надстройку с окнами на все четыре стороны света; некогда это была художническая мастерская, потом, еще в семидесятых, сей «бельвельдер» передвинули в «жилой фонд» и квартирку, общей площадью всего-то в сорок метров, выдали работнику здешней, отдельной котельной с женой и дочкой.

С тех пор, как говорится, минуло; выросла дочка, вышла замуж, родила, и две семьи с весьма малыми доходами обретались в этом «скворечнике», который ненавидели всей душой – и из-за тесноты, и оттого, что не было никакой финансовой возможности поставить хорошие окна, а оттого сквозняки там гуляли самые отвратительные. И чувства тихо попивающий на пару с женой отставной котельщик испытывал к молодым самые оттого неприязненные.

Когда Корсар предложил им обменять «башенку» на две улучшенные однокомнатные – они были просто счастливы! Деньги брать опасались – вдруг кинут? – так что Корсар сам купил эти однушки, произвел обмен, а затем и ремонт полученного странного жилья.

Надстроил внутри балюстрадой второй этаж, печник соорудил ему самый настоящий камин, все преобразования, включая камин, были законным образом, но за очень дополнительные деньги зарегистрированы в соответствующих инспекциях и инстанциях. Окна стали европейскими и сквозняков не допускали… Короче, Димина квартирка, прибежище одинокого холостяка, сделалась уютной и совершенно не похожей на другие.

Штор не было вовсе: высотка и без того стояла на холме, до ближайших домов было километра три-четыре, а те, что ближе, – были особнячками, что виделись с такой высоты крохотными, почти игрушечными. Напротив сиял подсвеченной декорацией Кремль, справа – стелился Китай-город… Красота-то какая, лепота…

Да, был в этом некий сюрреалистский кайф: печь на подоспевших углях в камине картошечку, как идеальную закуску к коньяку «Хеннесси», и, перебрасывая особо горячие с ладошки в ладошку, наблюдать притом, полеживая у того же камина на шкуре леопарда, как в сторону Кремля размеренно и красиво несется кортеж… И кто сказал, что нет в мире совершенства?

Денег ни у государства, ни у частных граждан Дима Корсар не крал; все его благосостояние покоилось на литературных его дарованиях, впрочем самим Корсаром оцениваемым весьма скромно: он был просто импровизатор; компилируя фрагменты древних знаний, он, частью интуитивно, частью осознанно, создавал новые их трактовки, порою весьма необычные.

Обладая неплохим литературным слогом, отличной работоспособностью и тягой «к перемене мест», он сам бывал на раскопах[5], захоронениях, городищах, не ленился читать сочинения прежних эпох и дней, вымыслы современников и домыслы «настоящих ученых» и вскоре вывел беспроигрышный механизм успеха: языки – разные, символы – одни. И он стал изучать значение символов и подтексты преданий давних времен и народов, и из-под пера его выходили небольшие по объему, но всегда – вызывающие неприятие научных сообществ и страстный интерес публики книги; оживляя и интерпретируя старинные предания, он словно оживлял саму генетическую память народов…

В родном отечестве брошюры эти издавались весьма скромными тиражами в небольших издательствах, зато мгновенно переводились на все европейские языки и уходили там на ура. И – что сказать? В нашей стране можно очень хорошо жить даже в Москве, если зарабатывать – на Западе. В евро и фунтах. Долларов Корсар тоже не сторонился – это Северо-Американские Соединенные Штаты сторонились его сочинений. Пока.

Он определенно рассчитывал, что новая книга, названная им без затей и замысловатостей «Грибницей», пробьет, наконец, брешь в практичных американских мозгах, для которых генерал Грант и «Бостонское чаепитие» были самой седой древностью, а все, что старше, – казалось от лукавого, ибо могло привести среднего американца от привитого с пеленок «комплекса сверхполноценности» к комплексу «домашнего цветка», выращенного в оранжерее и не имеющего ни корней, ни сородичей в диких-диких лесах.

Следуя классику, «красивый, двадцатидвухлетний»… Действительно, добавив дюжину годков и вспомнив титул первого диктатора Рима – «Луций Корнелий Сулла Счастливый, любимец Венеры», представим себе русоволосого мужчину, с удовольствием и увлечением отдающего время спортивным единоборствам и красивым девушкам, без единой унции лишнего веса, без проплешин в шевелюре и комплексов, улыбчивого, приветливого, и – всегда при деньгах… И – получим почти точный портрет Дмитрия Петровича Корсара, можно сказать, если и не главного героя нашего времени, то уж точно – и не его, этого переменчивого времени, изгоя. Но все это было, так сказать, внешнее. А что до души, то, как упомянуто выше, душу свою Корсар берег, и не только от бранных слов, но и от чужих взглядов и чуждых прикосновений…

Всякая душа – потемки, а в иных – царит не просто мрак кромешный и «тьма внешняя», но и тот жутковатый морок, в который обладатели таковых пропащих душ пытаются навязчиво затянуть прозелитов, кто – мнимым глубокомыслием, кто – явной удачливостью в жизни. И все затем, чтобы если и не спастись, то хоть на время укрыться от самого навязчивого и самого распространенного страха всякого человека – страха вечного одиночества.

Уединение и одиночество – различны, как свет и тьма. В уединении человек может отдохнуть от суетных проблем и опостылевшего псевдообщения, поразмыслить над тем миром, что вокруг, и над тем, что внутри него, может быть, поплакать о несбывшемся, может быть, пожалеть ушедшее и самого себя – такого неразумного, несуразного, потерянного… А потом вернуться из уединения в жизнь – обновленным, полным энергии, сил, жажды свершений и способности к ним.

Одиночество – разрушительно. Ты можешь день, два, неделю сидеть в жилище, но домом оно от этого не становится. Домом жилище делает семья. И даже если ты живешь совсем один, но где-то живы родители, – ты не одинок. Ты знаешь: есть место, где тебя всегда примут, каким бы ты ни был, и пусть родительская забота порой кажется в тягость, и пусть их опека видится утомительной, угнетающей, навязчивой, важно одно: ты знаешь – что бы

[5] Именно так: «на раскопах». «Раскопом» называется непосредственно место, где копали или копают, «раскопки» – это или действие, или термин («раскопки Трои»).

ни случилось, во всем пустом мире остается место, где тебя будут любить только потому, что ты – есть.

Родители Корсара жили в небольшом районном городке Троицке, в частном домике с садиком и огородом и – были довольны собой, сыном и жизнью. Одно их беспокоило – отсутствие у сына семьи; впрочем, сей недостаток восполняла младшая сестренка Людмила, родившая в скоропалительном замужестве сразу двойняшек, мальчика и девочку; и, хотя жила она в областном центре, лета проводила с детьми у «стариков», и те были совершенно и полностью счастливы. Так уж бывает: дочь мужа к своей семье приваживает, а сын – отрезанный ломоть, сам себе и семье своей – голова.

Корсары не всегда были Корсарами и обретались в глуши. Еще в детстве Дима разыскал на чердаке альбом, где предки его красовались в мундирах царскосельских гусар и были дворянами древнего и славного рода Корсаковых. Родоначальник рода получил отчину еще от Ивана III Рюриковича в XV веке; с той поры Корсаковы надежно служили Отечеству.

В ранних двадцатых, когда по всей, ставшей Советской, России были еще в ходу старые царские паспорта, ветвь рода Корсаковых осела в провинциальном Троицке, предварительно озаботившись выправить за мелкую взятку фамилию – на Корсаровых, а позже, по лености, малограмотности или нерадению, уже советский чиновник, при выдаче «молоткастого-серпастого», записал мещан города Троицка, работавших в каком-то тресте, – просто Корсарами, видимо полагая их выходцами с Украины (ну не с Корсики же!).

Таким образом, став Корсарами, потомственные столбовые дворяне Корсаковы и пережили годы иных советских лихолетий; правда, в Великую Отечественную и прадед, и оба деда Корсара славно сражались на ее фронтах; из троих вернулся один. Отец Дмитрия Корсара, Петр Олегович, успел повоевать во Вьетнаме, на приснопамятной реке Бенхай[6], да и самого Диму семейная доля – служения Отечеству – не миновала…

Его призвали, когда он уже поступил в МГУ на исторический и – был близок к отчислению: закружила яркая круговерть московской жизни первой половины девяностых! Призыв тот пожалуй что и спас шебутного молодого человека или от тюрьмы, или от пули – как знать…

Впрочем, своей пули Корсар не миновал; два с половиной года на таджикско-афганской границе в составе Московского погранотряда оставили метку в межреберье и ставший теперь белым осколочный шрам по надбровью… Что и говорить – счастливчик. Повезло.

Служить пришлось два года и восемь месяцев, но службу эту свою Корсар никогда не поминал ни лихом, ни добром, как и награды: две медали «За отвагу»; они так и лежали в шкатулке у отца, дома, в Троицке; Петр Олегович, похоже, гордился наградами сына куда более, чем сам сын; впрочем, гордость эта выражалась совсем скупо, как принято было и у всех пращуров Корсаковых, и у Корсаров XX столетия. Отец посмотрел тогда на свежий еще шрам сына, кивнул каким-то своим мыслям и проговорил только: «Как водится: серебро – за кровь». А грустную истину о том, что у каждого поколения русских – своя война, Дмитрий и так знал сызмала. Впрочем, с той поры, как говорится, минуло…

На период тягостного безвременья экономического дефолта и политического бессилия самого конца девяностых Корсар просто пропал. Исчез. Где странствовал Дмитрий эти четыре с небольшим года, обучаясь умениям и навыкам, шлифуя их на практике в разных странах на всех континентах, осталось тайной: московские его приятели и приятельницы так ничего и не узнали; потаенные эти науки и странствия остались секретом и для родителей:

---

[6] Река Бенхай разделяла Северный (коммунистический) и Южный Вьетнам; Южный Вьетнам именовался тогда у нас Сайгонским режимом; после начала американо-вьетнамской войны в 1964 году советские военные советники принимали активное участие в защите Северного Вьетнама; война закончилась в 1974 году блестящей военной операцией, разработанной в советском Генеральном штабе, молниеносным захватом северовьетнамцами и вьетконговцами Сайгона; американцы отступали и эвакуировались спешно, почти панически.

им регулярно приходили открытки от Димы с одного из нефтяных промыслов Восточной Сибири; родители полагали, сын повзрослел, решил подзаработать… Вольному – воля.

Период этот закончился так же странно, как и начался: в один прекрасный день конца августа Корсар, поджарый, загорелый, появился вдруг в ректорате элитарного МГУ и сумел не просто восстановиться; в три с небольшим года он успешно закончил два факультета: исторический и журналистики.

И – почти сразу по окончании нырнул в «нулевые» годы. Журналистика, как профессия и без того хлипкая и заказная, постепенно превратилась в житийное живописание «персон грата», обслуживание политических кланов, кланов ТВ и прочего «бомонда», слегка разбавленная в некоторых изданиях поверхностной аналитикой с претензией на «умность» и «объективность». Нет, если попадаешь в «кремлевский» или «правительственный» пул, то и деньги, и командировки, и уважение… Но для этого нужны связи и та гибкость позвоночника, что чужда была роду Корсаров издревле.

Если Дима и раньше полагал, что журналистика, как и сравнительно недавняя история, – «продажные девки политики», то теперь и та и другая сделались просто-напросто содержанками «на довольствии». Скучно это было Корсару – и все тут.

Были предложения стать военным корреспондентом на Кавказе, но к войне по неизвестным остальным причинам, которые он называть не стремился, Дмитрий относился с презрением. «Пушки – последний довод королей» – известное изречение; а то, что короли с легкостью жертвуют пешками, да и прочими фигурами, и не ради каких-то там высших интересов, а порою – вовсе походя…

Писать о героизме действительно героев и о «мировой закулисе»? Это все одно что водить палкой в Тихом океане, где-нибудь над Марианской впадиной, надеясь устроить воронку, что достанет вихрем до дна… и, как у классика, вылезет бесенок и поинтересуется: чего, мол, взыскался? Может, такое и случается, но… Редко. И только в сказках классиков.

Выбор оставался невелик: первый – возвращаться в Троицк и учительствовать до пенсии, – хотя в Троицке у него были варианты и поприличнее – пробиться в руководители районной газетенки, а то и райадминистрацию, руководить там местной культурою, посылая в область то ансамбль заслуженных ложкарей, то группу танцевальной молодежи… По возможности – приворовывать потихоньку и тихо пережить все и всякие грядущие катаклизмы, начиная от обещанного вскорости конца света и падения астероида и заканчивая китаезацией всей страны…

Второй – найти богатую московскую тетю из bissines-woman и стать при ней дорогой вывеской, благо университетское образование, мужественная внешность, дан по карате-до, боевое прошлое, бурное и нескучное настоящее, и – все это вместе, гарантировали Корсару достойное место не то что в приживалах, но и – в мужьях.

Естественно, по тем же вышеперечисленным причинам, – оба варианта были отвергнуты напрочь и Корсар стал искать третий. Ибо где-где, а в России третий – никогда не лишний.

– Объект движется по проспекту Вернадского. Начало операции «Омега». Конец связи.

Глава 5

Корсар ехал по Москве в сторону проспекта Вернадского на хорошей скорости: волею случая пробок не было, легкий летний ветерок задувал в оконце, по радио, настроенному на нездешнюю волну, вещали на иноземном языке очень для Корсара приятное:

– «Демис Корсар, русский культуролог и системный аналитик по проблемам древних знаний и народов, сопоставляет полученные им данные с уже известными; его интерпретация фактов и того, что считалось артефактами, поражает воображение…»

Рядом, на сиденье, лежали россыпью журналы на немецком, польском, английском, французском… На некоторых был снят он сам, на других – его фото красовались на развороте в коллаже из ацтекских фигур, горы Синай, рунического алфавита, масок этрусков или раскопа в Древнем Аркаиме; вынесенные заголовки или анонсы статей выделялись ярко, привлекательно, иные – полные неприкрытой иронии, другие – восторженно зазывные, как токование брачного глухаря: «Корсар заново «открыл Америку!», «Русский ученый опровергает все!», «Научный мир отказывается признавать «открытия» Корсара: комментарий профессионалов», «Книга Демиса Корсара «Знаки» – четвертый месяц в десятке мировых бестселлеров!».

Сам Дима относился к такой популярности с изрядной долей юмора: как-то в интервью на одном из каналов он честно сказал:

– PR-компания на Западе по поводу моих книг сделала из меня некое подобие гамбургера: блестящ, аппетитен, приходи и – кушай.

– Вы этим удручены?

– Вовсе нет! Это мечта каждого – встать по популярности вровень с вездесущей котлетой!

– Будьте осторожны, Дмитрий! Мечты – сбываются! – сыронизировала ведущая.

Как он узнал (естественно, из пересудов, так и не озаботившись посмотреть впоследствии передачу), после того, как он покинул студию, ведущая проехалась по нему тяжелым танковым клином, как Гудериан по Бельгии: дескать, «Корсар – действительно как гамбургер: кушать приятно, но желудок портит. А поскольку сие «низкопробное чтиво» попадает людям даже не в желудок, а в мозг – возникают последствия разной степени тяжести: от легкой олигофренической восторженности до тяжкого идиотизма обожания нашего доморощенного плейбоя, очаровавшего всех домохозяек Запада…»

Вот эти слова про себя он прочел в каком-то желтом таблоиде: из уважения к шустрой, как метелка, ведущей ее слова там привели дословно… Но сказать, что сие было Корсару неприятно, – покривить против истины. Дима хорошо понимал: популярность – это те же деньги. Превратить известность в наличные – просто вопрос времени.

И действительно: примерно четверть доходов он получал от лекций, читаемых по разным, довольно престижным университетам Германии, Франции, Великобритании, Швеции, Дании… В России родной МГУ его сторонился как черт ладана, но было множество частных учебных заведений, где принимали его очень даже благожелательно. Гонорары за лекции были символическими, но… студентки! Их раскованное разнообразие вносило в жизнь Корсара столько очарования, а значит, и смысла, что…

Вот только что греха таить – порою вечерами, как и всякой русской душе положено, он вспоминал несбывшееся и непережитое, и в эти минуты жизнь его казалась ему самому блеклой, скучной, малозначительной… Да она, по правде, и была таковою… Как только уходил азарт написания очередной книжки, Корсар, как слепой щенок, оглядывался вокруг, пытаясь если и не понять, то хотя бы почувствовать ритм окружающей действительности и… не чувствовал ничего.

Люди жили как привыкли. Он, по сути, тоже… Ему хватало ума, чтобы понять: все его произведения – всего лишь лекарство от скуки, и его собственной, и его читателей… Простор для их фантазии он оставлял необъятный.

Конечно, ему хотелось, как любому «творцу», «открыть неоткрытое и объять необъятное». Ну и, само собою, объяснить необъяснимое.

Самое забавное было в том, что Корсар чувствовал, как чувствуют порою археологи, – находка, способная перевернуть и всю его жизнь, и представления людей о себе и мире – где-то рядом, может быть за следующим слоем обыденной «поливной керамики», нужно только взглянуть как-то иначе на все, что происходило и происходит… Нет, не только с планетой Земля, космосом, но и – с ним сам… И – не впасть при этом в легкую шизофрению – в маниакальной уверенности собственного совершенства, и – не побояться допустить в свое сознание недопустимое…

– Дмитрий Петрович, – расплылась в улыбке сорокапятилетняя преподавательница гуманитарных наук Стелла Леонидовна, встречая его у дверей заведения, – вас ждут, очень ждут!

Что-то было в ее тоне этакое… Да и понятно что. Все эти вечные «кандидаты в доктора» искренне считали его неучем и выскочкой; и если студенты «посадят его» – Стелла Леонидовна не впадет в расстроенные чувства, напротив…

Да. Для писателей он был – публицист, для публицистов – легковесный писака, для желтой прессы – находка: по нему можно было слегка потоптаться, одно плохо – в тусовках не участвует, в скандалы не ввязывается… Для всех остальных он – повеса, плейбой, занятый несерьезными упражнениями праздного и не отягощенного истинным знанием ума; впрочем, почти так оно и было. «И – нужно соответствовать!»

Дима улыбнулся во все шестьдесят четыре зуба; все остальное: стильные джинсы и шведка, мокасины, продуманная небритость – все работало на привычный образ: «счастливчик», «везунчик», легкий в общении и в жизни, ментально продвинутый, гетеросексуально ориентированный и, безусловно, раскрепощенный!

…Лекция катилась плавно и размеренно. Дима давно выработал свой, особый стиль рассказа о тех или иных культурах мира; он и представлял, и лицедействовал, и становился временами надменно-серьезен, но всегда давал понять аудитории, что и надменность его – не более чем маска, вроде хоккейной у вратаря… Тем более в каждой аудитории попадались три-четыре человека, чаще из молодых людей, стремящихся разоблачить в нем… Кого? Самозванца от науки? Ловкого манипулятора нестойкими душами?

Вообще, если аудиторию не «прессовать» строгостями, «отпустить вожжи», то в каждой непременно заметишь три-четыре центра притяжения: словно металлические опилки, влекомые магнитами, студенты тянутся к этим «центрам», неформальным лидерам; это может быть и красивая, но обязательно неглупая девушка, и умный, но свойский соученик, и самый сильный физически парень, или, наконец, просто вроде ничем не примечательный ученик, тем не менее обладающий выраженными лидерскими качествами, умеющий выстроить вокруг себя иерархию и, что греха таить, легко манипулирующий «вассалами». Причем так, что сами «вассалы» никаких манипуляций не замечали, а действовали «по своей воле». Любой побудительный мотив к их активности был, как правило, «непрямого действия»: брошенная фраза, двусмысленная усмешка или красноречивый жест или мимика лидера.

Лидерские группы, как правило, соперничали. «Один на льдине», независимый в суждениях и действиях студент, и всегда-то был редкостью, а в наши времена предпочитал маскировать свою независимость примыканием к какой-либо группе, чтобы постепенно стать тенью лидера и тем самым сделаться лидером по сути.

Все эти мысли промелькнули скоро, Корсар не сбился с ритма изложения, при этом чутко улавливая реакцию аудитории. Группы он выделил две: небольшого роста крепкий парень, рядом с которым расположились высоколобый очкарик – явный умник, и высокий атлетичный парень, наверняка неглупый и с хорошими волевыми качествами, но некоторая рисовка в одежде заставляла предполагать и тайную неуверенность в «игре на чужом поле»: этот парень должен был чувствовать себя «при своих» на всех спортивных или силовых состязаниях, а вот в умственных ристалищах, типа коллоквиумов и семинаров, старался быть в тени высоколобого, идти, так сказать, в фарватере. И более всего опасался, надо полагать, коротких, едких, хлестких замечаний насмешек невысокого крепыша. Когда начнутся вопросы или замечания, можно будет легко увидеть всех явно стремящихся к этому «триумвирату».

Второй центр представлял собой задумчивый парень; он слушал очень внимательно, сосредоточенности ради рисуя что-то на листиках и время от времени выставляя там же пометку – не забыть спросить или уточнить. Рядом – серьезная красивая девушка в очках, еще несколько девушек. Судя, как теперь принято говорить, «по прикиду», вторая группа отличалась и «по материальным» соображениям: одежда выделялась стильностью и была дорогой, из хороших бутиков.

Третья группа – несколько парней вокруг двух девушек; одна – некрасива, но обаятельна, другая – красива, но рассеянна… Чем можно объяснить ее рассеянность – недосыпом, отсутствием прописанных доктором, но игнорируемых очков, поэтичностью натуры либо, напротив, практичностью ее – Корсар, конечно, пока не вычислил, да и не мог.

Два человека диссонировали с остальными: седой сухощавый мужчина лет пятидесяти, с внимательным, изучающим взглядом, в хорошем костюме и девушка лет на вид двадцати двух, но Корсар был уверен, что ей никак не меньше двадцати семи, а то и тридцати с небольшим. Взгляд ее ясных, ярких, как сентябрьское небо бабьим летом, глаз, копна соломенных волос, самую малость раскосый разрез глаз, высокие скулы, пухлые губы… Но не походила она никоим образом на обычных поклонниц Корсара; более оттого, некоторая внутренняя оторопь находила на него от этого взгляда…

И он понял почему… Именно такими он представлял себе половчанок: с волосами цвета «половы», с ясными глазами, гибкими, уверенными…

Впрочем, довольно скоро он заставил себя забыть о странных визитерах и сосредоточился на лекции.

По некоему, особому напряжению аудитории он чувствовал: будут и вопросы, и подначки, и просто безапелляционные грубости или глупости (а их порой и не различить), но… Это Корсара даже забавляло: он не претендовал ни на чьи троны и аксиомы в науке, но сказать впрямую, что он здесь просто отвлекается – ведь когда сидишь, зашторенный, и пишешь – теряешь связь с миром… Но сказать это – было бы…

Как он и предполагал, первой в наступление пошла группа «триумвирата». Сразу, как только он взял паузу. Тем более после краткой лекции о знаках посыпались вопросы-обвинения…

– Дмитрий, вам не кажется, что все ваши аргументы легковесны и ненаучны? – начал высоколобый студент. – А если говорить чистую правду, то попросту высосаны из пальца…

– Мишин, прошу соблюдать культуру дискуссии, – бросила реплику разом воссиявшая Стелла Леонидовна.

– Когда мне что-то кажется или мерещится, я – крещусь.

– Помогает? – игриво бросила девчонка из окружения «триумвирата».

– Когда как…

– Так вы верите в иудейско-библейскую картину мира? – спросил задумчивый и беспрестанно рисовавший парнишка – видимо, не желая отдавать инициативу «триумвирату».

– Верю я в Бога…

– И Его вы тоже сами выдумали, как и все остальное? – не удержался высоколобый Мишин. – Или – согласно Писаниям?

– «Верую во единаго Бога отца Вседержителя, Творца небу и земли, Видимым же всем и невидимым. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца родженнаго прежде все век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша… И в Духа Святого, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки…»[7]

– Это не ответ по существу…

– Существеннее не бывает. Вера в троичность Единого Господа была дана испокон всем народам, как и обетование о приходе Спасителя было дано всем, Пресвятая Троица только называлась по-разному: у русов – Триглав, у индусов – Тринити…

– Но… «Если ударят по правой щеке – подставь левую» – разве это не есть воспитание рабов?

– Недопустимо вырывать одну фразу из контекста Евангелия, состоящего, напомню, из двадцати семи книг, ставить ее над другими и с такой позиции критиковать все Евангелие.

– А Лев Толстой?

– О нем и речь. Выбрав из всего Евангелия лишь одну нравственную категорию, «непротивление злу насилием», Толстой в гордыне своей возвел ее в абсолют, отрицая все остальное… За что и был предан анафеме… Еще раз повторю: в Новом Завете – двадцать семь книг. И ученые богословы тысячелетия изучают мудрость его…

– А вы, значит, изучать не рискуете?

– Пока – нет. Помните, в Книге Сираха: «Что дано тебе, о том размышляй, ибо не нужно тебе то, что сокрыто».

– Вы отрицаете познаваемость мира?

– Как возможность познать всё и докопаться до исконной сути? Да, отрицаю. Гностики впали в этот соблазн, и результат – ереси. Не изжитые и поныне, ведущие последователей к гордыне и – в бездну…

– «Где тьма внешняя и скрежет зубов»? – не удержался от цитирования рисовальщик.

– Именно так.

– Мне казалось, вы шире во взглядах.

– Я стараюсь быть пристальней в них.

– То есть берете что попроще и – манипулируете? – вступил снова Мишин.

– Стараюсь понять.

– Судя по вашей книге «Знаки» – вы стараетесь не понять, а запутать… И заставить современного человека ощутить самого себя ничтожеством в своем рационализме…

– А разве это не так? – жестко оборвал его Корсар. – Вы знаете азбуку?

– В смысле… Алфавит? – смутился Мишин.

– Хорошо, – мягко улыбнулся Дмитрий, – попробуем алфавит сначала. Кто сможет перечислить все буквы?

Под хохот и подначки несколько человек попробовали, но у всех кончалось на «ОПРСТ»…

– А теперь – азбуку.

– А какая разница?

– Огромная. Слово «алфавит» считается образованным от греческого…

– Альфа-бета-гамма…

---

[7] Из Символа веры.

– Вроде того. У нас тоже первая буква означала «Я» – «Аз». А теперь возьмем несколько букв последовательно и произнесем так, как учили наши предки еще школярами: «Аз – буки – веди – глаголь – добро – есть – живете – земля – иже – како – люди – мыслете – наш – он – покой – рьцы – слово – твердо…» – Корсар почти декламировал, как стихи; аудитория притихла. – Переведем? – Дмитрий продолжил, старался говорить нараспев: – «Аз, Книгой Вед, ведаю (и веду!) по слову добра, которое сущее есть, жизнь на земле, потому что как люди мыслите, таков и покой ваш, говорю в этом слово твердо…»

Аудитория зачарованно затихла.

– Здорово! – искренне ахнул кто-то.

– А кто – говорит? Кто этот Аз? – спросила серьезная в очках.

– «Аз есьм». Или «Я есть».

– И это…

– Бог. Все остальное – тварно, создано, эфемерно, преходяще, и только Сущий может сказать о себе всегда: «Я есть». «Аз Есмь».

– Выходит, в Азбуке зашифровано послание Господа?

– Полагаю, да.

– Доказательства?..

– Попробую. Вспомните сначала Исход…

– Если кто его вообще читал, – раздался ехидный голос.

– Я напомню. Моисей в те времена пас овец своего тестя Иофора, мадиамского священника, и пришел к горе Божией Хориву. И увидел горящий и несгорающий куст, и пошел к нему, и получил поручение от Господа, и Моисей спросил: вот он придет и скажет сынам Израилевым, что послал его Бог отцов их, «А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий».[8]

– Очень Ветхий завет… – иронично прокомментировал кто-то с места.

– И – почти два тысячелетия спустя… Когда Господь Иисус Христос с учениками пребывал в саду, «Иуда, взяв отряд воинов из служителей и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали, Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я»[9]. В церковнославянском переводе сохранено точно: он сказал, как и Бог Моисею: «Аз Есмь»[10]. И что случилось потом?.. «И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю».

Аз Есмь! «Я есть». А кто «есть» всегда – вчера, тысячелетие или десять тысяч лет назад, и – сто тысячелетий вперед? Только тот, для кого нет времени!

Знали стражники, поняли, что это – Господь! И – пали ниц! И без Его слова не посмели бы даже приблизиться к Нему! Но служили давно не Ему; далеки были их сердца и души от Бога, и, когда Петр извлек меч и отсек ухо одному из нападавших, Иисус сказал ему: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?»[11]

Сначала стояла тишина. Потом один из студентов произнес:

– Увлекательно рассказываете. Живо. Словно там были.

– Вот только сомнительно… все это, – раздумчиво произнес рисовальщик.

Корсар улыбнулся, напел:

– «С причала рыбачил апостол Андрей, а Спаситель ходил по воде…»[12]

---

[8] Исход, 3: 13,14.

[9] Евангелие от Иоанна, 18: 3—6.

[10] По «елизаветинскому» изданию 1900 года.

[11] Евангелие от Матфея, 26: 53—54.

[12] Из песни группы «Наутилус Помпилиус».

Все заулыбались, кто-то начал подпевать…

– А было на самом деле так. Перескажу, как помню. – Одним жестом Корсар прекратил веселье: – Дело было ночью. Апостолы устали и уснули в лодке. А когда проснулись, увидели, как по воде, «аки по суху», идет к ним Христос. И Петр, как самый эмоциональный, воскликнул: «Господи, повели мне, и я приду к Тебе!» – «Иди», – сказал Господь. И пошел Петр по воде ко Христу. И вдруг – *усомнился*, и – стал тонуть!

Его, конечно, вытащили, и Господь сказал апостолам примерно следующее: «Вы, видите и – не верите! Блаженны не видевшие и – уверовавшие!» Вот так. – Корсар улыбнулся обаятельно, закончил: – Это что касается сомнений.

Тишина наступила неожиданно, и никто не пытался ее нарушить. Потом одна девушка спросила тихо:

– Тогда – что такое вера?

– Вера – это любовь, лишенная страха потери.

Глава 6

Пусть потаенно, но Корсар загрустил. Он вовсе не желал в мимолетной и необязательной лекции говорить о том, что вечерами и ночами порой томило душу его – незнанием или полузнанием… И тем, что все, что он пишет, – по большому счету ничего не значит и не стоит. Так, мимолетное развлечение для праздных умов. А решиться на нечто большое, всеохватное – не чувствовал он за собою пока такой отваги. Проще было отмахиваться от вопросов ставшими расхожими словами древних «Человек – есть мера всех вещей», «Я знаю только то, что ничего не знаю…».

– Дмитрий Петрович, а вы – не такой легкий и незатейливый, каким хотите казаться… – с игривой миной проворковала Стелла Леонидовна.

– Не прост русский человек… – сумел подобрать достойный ответ Корсар, обаятельной улыбкой превращая саму тяжеловесную серьезность произнесенной фразы почти в шутку…

– Извините, Дмитрий, вы не ответили на мой вопрос по существу, – строго выговорил ему высоколобый Мишин. – О вашей книге «Знаки».

– Я писал то, что видел, чувствовал, о чем смутно догадывался. Только и всего. Кстати, а что означает «существо вопроса», как таковое?

– Ну… Это по меньшей мере – аргументация и научно-справочный аппарат, который вы используете. Вернее, не используете. И выходит – все ваши книги яйца выеденного не стоят.

– Да? А люди платят деньги. Чтобы их купить.

– Быдло готово платить за все, что распиарено.

– А вы, значит, не быдло?

– Надеюсь на это.

– Как вас зовут, господин Мишин?

– Сергей.

– Так вот, Сергей, если вы знаете ответ на свой вопрос, зачем вы его задаете мне?

– Возможно, я ошибаюсь…

– Да. Вы ошибаетесь. Теперь вы – удовлетворены?

– Нет. В своих так называемых работах, как и сейчас, вы скользите, как полоз по стеклу… А порой – топаете по научным достижениям других – грязными кирзовыми сапогами.

– Именно так я и делаю. Иначе – как вывести вас из состояния равнодушия и равномыслия?

– Но вы же декларируете чушь!

– И зачем вы эту чушь читаете? Есть много других книжек – хороших и разных. Тем более… если вы «не быдло».

– Чтобы судить о чьей-то работе, нужно знать ее.

– Резонно. Теперь – знаете и ее, и все ответы на все свои вопросы.

– Вы – слабак, поэтому и уходите от дискуссии… А в споре – рождается истина!

– Кто вам это сказал? Любой спор – бесплоден априори. Хотя порой по эмоциональному накалу он в чем-то и сродни страстному половому акту… Но это – не наш с вами случай.

По аудитории грохнул дружный смех – судя по всему, Корсар попал не в бровь, а в глаз, по крайней мере по отношению к оппоненту… Одним движением руки Дмитрий убрал шум и оживление, словно Мерлин – рябь на воде, продолжил:

– К сожалению, все спорщики всегда расходятся «при своем мнении», и споры затеваются лишь для снятия эмоционального напряжения, вызванного одинокой и кропотливой научной работой…

– Именно кропотливой, – не сдался Сергей, добавил с нарочитой иронией: – А не как у вас…

– Но! – прервал студента Корсар. – Все высоты на этом поле битвы уже заняты престарелыми академиками, которые не отдадут вам ни пяди завоеванной за десятилетия территории! И, выражаясь фигурально, вам придется пройти весь путь «от сперматозоида до маршала», перебиваясь статейками «К вопросу о…», и стать такими же чахлыми защитниками непоколебимых научных истин, если вы не возьмете на себя смелость выбрать абсолютно нетривиальную тему и – развить ее, не оглядываясь на так называемые научные авторитеты…

– Например? – с вызовом спросил розовощекий широкоплечий спортсмен, сосед Сергея.

Корсар усмехнулся:

– Скажем, «О влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на менструальный цикл болотной улитки»!

Аудитория снова грохнула.

– По-моему, вы нас всех унижаете! – произнесла красивая девушка в больших очках. – И унижаете – намеренно!

– Разве? Просто вы, наверное, забыли, что Великая Октябрьская революция – главное событие двадцатого века! По крайней мере, ваши преподаватели об этом что-то слышали…

– Это – вопрос спорный… – брякнула Стелла Леонидовна.

– Это – аксиома.

– А при чем здесь тогда болотная улитка и ее… цикл? – не унималась девушка в очках.

– Сочетание вроде бы несочетаемого, как пример нетрадиционного подхода к теме. Вспомните фантастический рассказ, где герой попал в очень далекое прошлое и раздавил бабочку, а когда вернулся – не узнал свой мир! Он – стал другим!

– Похоже, и вы прикрываетесь авторитетами? – съехидничал Сергей.

– Пытаюсь мыслить нестандартно. А вообще – так и есть. И до нас жили гении, возможно, они есть и среди вас… И главная задача моих, с позволения сказать, опусов – в том, чтобы подвигнуть вас мыслить нетрадиционно…

– Это же касается и вашей ориентации? – вяло, явно нарываясь спросил розовощекий спортсмен. Он был на две головы выше Корсара, свитер не скрывал широченных плеч. Сидящий рядом с ним невысокий лидер кривил губы в предвкушении немудреного развлечения. – Очевидное не скроешь, Димочка, – добавил спортсмен, смешно при этом вытянув губы.

– Берг, вы ведете себя некорректно… – пыталась вмешаться преподавательница, но Корсар остановил ее тем же магическим взмахом руки, растянул губы в улыбке, дождался полной тишины и спросил здорового:

– А – по морде?

Тот ухмыльнулся, вставая:

– А – попробуй…

– Попробовать?.. Ну, если – на то будет знак…

– Дмитрий Петрович, вы, кажется, потакаете Бергу, а ему только того и надо… – беспокойно затараторила преподавательница, но Корсар остановил ее, приложив палец к губам: – Тс-с-с-с… – Затем жестом иллюзиониста вынул из кармана пятирублевую монету, подбросил, спросил Берга: – Что?

– Орел!

Монета в полной тишине переворачивалась в воздухе, рассылая по всей аудитории солнечных зайчиков. Корсар поймал ее на лету и, уложив между указательным и средним пальцами, без видимого напряжения большим – согнул ее вдвое, сплющил и – согнул вчетверо.

Бросил получившуюся «икебану» Бергу:

– Разогнете в «орла» – можете рассчитывать на три раунда вольного боя.

Берг скривил губы, бросил:

– У вас крепкие пальцы. И цепкие. Это, видимо, сказывается на величине ваших гонораров…

– Аксиома первая. Тот, кто считает чужие деньги, никогда не будет иметь своих.

– Аксиома вторая, – продолжил Берг. – Цепкость пальцев и сила удара – разные вещи. Может быть, спустимся в спортивный зал? Или – боитесь «попортить вывеску»? Дружки любить перестанут?.. – Лицо Берга было откровенно злым.

– Боюсь, – сокрушенно вздохнул Корсар. Легко, пружинисто подошел к стене, отделяющей аудиторию от коридора, и – ударил. Сам удар был столь быстр и резок, что никто его не успел заметить: но теперь в стене зияла дыра, сквозь которую в известковой пыли пробивались лучики света.

– Ой, – только и сказала Стелла Леонидовна и замолчала, скорбно и озадаченно сложив губы. Возможно, хотела добавить, что крушить стены гуманитарного университета Корсара никто не приглашал…

А он тем временем вернулся на возвышение кафедры, подошел к доске, отер немного испачканную штукатуркой руку жестом, каким преподаватели вытирают пальцы от мела, произнес ровно, размеренно, словно продолжал читать лекцию:

– Это сложнее, чем может показаться. Стена перекрытия деревянная, укрепленная сухой деревянной же дранкой и оштукатуренная; доски, кстати, еловые, сохранились прекрасно, а поскольку дерево пружинит, нужно ударить очень быстро; в противном случае – ломаются фаланги пальцев или рука. Тем самым мы пришли к тому, с чего начали. – Корсар посмотрел на Берга: – Сила удара рассчитывается…

– Масса умножить на ускорение… – подсказал высоколобый Сережа, видимо поняв, что у пытавшегося вступиться за него Берга не осталось никакого желания выходить против Корсара на «три раунда вольного боя» хотя бы потому, что бой вряд ли продлится дольше семи-восьми секунд…

– Нет. Сила удара рассчитывается по формуле импульса силы: MV квадрат, разделить на два. И это – аксиома. – Корсар помедлил, добавил: – Пока. – Он выдержал паузу, улыбнулся: – Все аксиомы остаются таковыми, пока кто-то в них не усомнится. Скажем, аксиома «две параллельные прямые не пересекаются» оставалась такой тысячелетия; на ней базировалась эвклидова геометрия; стоило Лобачевскому усомниться, предположить искривленность пространства и то, что в определенной, бесконечно удаленной точке две прямые все же пересекутся… И он создал новую математику, математику Лобачевского. И – к чему это я?

– И – к чему? – спросила серьезная девушка в очках.

– Все устоявшиеся понятия, мнения, авторитеты, все они – до поры. Пока кто-то не дерзнет усомниться… А споры… Теперь вы поняли, что в спорах никаких истин не рождается? Я намеренно обострил каверзное замечание господина Берга и – убедительно, на примере, показал, что даже в самом остром споре чья-то позиция сильнее изначально. Надеюсь, вы на меня не сердитесь за столь невинную демонстрацию.

– А что же делать с такой большой дырой… – растерянно пролепетала преподавательница.

Корсар даже зажмурился, волей заставляя себя не улыбаться и, как в анекдоте про Ржевского, мысленно приказывая: «Господа гусары, молчать!»

– Это – не дыра, Стелла Леонидовна, это – отверстие, – елейным голоском проговорила серьезная девушка в очках.

– А дыра – это… – попытался продолжить ее сосед, но, получив от девушки короткий тычок под ребро, замолчал.

– У нас платный факультет, Стелла Леонидовна. Перегородке – лет сорок, вот пусть проректор и озаботится починить, – резонно и сухо заметила какая-то девушка с заднего ряда.

– Придется, – вздохнула преподавательница. Со значением взглянула на часы.

– Вы так ничего и не сказали о вашей новой книге… – произнесла серьезная девушка в очках.

Дима сокрушенно тряхнул головой. По правде, он уже сожалел, что допустил эдакое ребячество, ну да – чему быть, того уж не воротишь… Осталось сказать два слова и – звонок…

– Презентация состоится завтра в Доме книги. Приглашаю всех.

– А как название?

– «Грибница».

– Вы заинтересовались пищевыми продуктами?

– Отнюдь. Царство грибов насчитывает как минимум полтора миллионов видов – это больше, чем в растительном или животном мире. Из них описаны примерно семьдесят тысяч видов, то есть менее пяти процентов всех существующих. Это первое. Второе. Примерно тридцать процентов грибов обладают галлюциногенными свойствами, приводящими людей…

– К наркомании…

– К иному состоянию сознания, я бы так сформулировал. И люди используют эти свойства – многие тысячелетия. Один из первых исследователей, признавших определенный познавательный для науки потенциал экстатического изменения сознания, был американский философ и психолог Уильям Джеймс. В начале двадцатого века он сказал примерно так: «Наше нормальное, или, как мы его называем, разумное, сознание представляет лишь одну из форм сознания, причем другие, совершенно от него отличные формы существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой… Наше представление о мире не может быть полным, если мы не примем во внимание и эти формы сознания».

– Да в каждом дурдоме этих форм сознания и без грибов – палаты!

– И третье, по порядку, но не по значению. – На реплику не обратил внимания не только он, но и вся аудитория. – Я предполагаю, что тысячелетия существуют и законспирированные группы людей, знающие о свойствах многих грибов, – из тех девяноста пяти процентов, до которых не добралась официальная наука. – Дмитрий отвесил ёрнически-церемонный поклон в сторону Сергея Мишина, – и использующих их качества для…

В аудитории стояла звенящая тишина.

– А вот как и для чего – я и попытался догадаться на страницах книги. Насколько мне это удалось – судить читателю. Как сказал Горький Алексей Максимович: «Любите книгу – источник знаний!» Если, конечно, нет более интересного предмета для любви.

Аудитория грохнула смехом и аплодисментами, заглушая звонок. А Корсар – поклонился, церемонно, с достоинством, словно монарший арлекин в тронном зале.

Глава 7

К Корсару уже спешили студентки с книжками – получить автограф… Но он для себя отметил не тех, что спешили, а тех, что медлили. Корсар привык к вниманию «девочек без комплексов»; для них он был – приключением, каждая из них для него – тоже; и сложностей никаких, и… Короче, ничего, кроме радости общения и секса… Самое приятное было в том, что и тягот расставаний – не было: симпатии взаимные, безусловно, присутствовали, но вот всех этих надрывов и прочего… Поэтому встречи, как правило, становились реже; похоже, девчонки, присоединив к собственной «коллекции» очередную мало-мальски «знаменитость» и тем приподняв собственный имидж, шли по жизни дальше…

Пока он подписывал первые несколько книжек, то снова заметил – но чуть в стороне – ту самую красивую девушку лет около тридцати; она пристально и внимательно рассматривала Корсара, словно редкую бабочку, будто примериваясь – как бы половчее насадить это насекомое на иглу и присоединить к имеющейся коллекции… Смутное то ли удивление, то ли воспоминание на миг вспыхнуло где-то глубоко в подсознании и – угасло: когда Корсар снова бросил взгляд в ее сторону, девушка исчезла.

А «медлительных» девчонок оказалось две: одна – с жесткой копной волос, слишком рыжая, чтобы цвет был естественным, слишком зеленоглазая, чтобы на радужке не присутствовали контактные линзы… Имидж эдакого дерзкого чертёнка…

– Дмитрий, меня особенно в вашей книге заинтересовало вот это, – ткнула она в какую-то иллюстрацию, схематично изображавшую совокупление… – И меня, и мою подругу… – Она кивнула на русоволосую стройную девушку, стоящую рядом – в короткой юбке, гольфиках-гетрах, с видом примерной старшеклассницы… – Могли бы мы проконсультироваться с вами… по этому поводу?

– Если вам интересно…

– Очень интересно.

– Сегодня после шести?

– Сегодня? – Рыжая замялась… – А можно – завтра?

– «Завтра» в этом мире наступает не для всех, – подал голос седой худощавый господин в темных дымчатых очках, подошедший столь тихо и незаметно, что впору было вздрагивать и креститься…

Но рыжая лишь смерила его уничижительным взглядом:

– А вас, дяденька, не учили манерам? Вмешиваться в разговор дамы и молодого человека – это по меньшей мере…

– Предосудительно, – с покаянной интонацией произнес седовласый, впрочем, никакого раскаяния в голосе его не чувствовалось, скорее – озорство, столь не свойственное его «академическому облику». Он отошел в сторонку.

– Мы – сегодня не сможем, – глядя Корсару прямо в глаза зелеными, кошачьими глазами, произнесла рыжая. – У нас сегодня – бассейн. И – художественная гимнастика…

Вторая девушка прыснула, прикрылась ладошкой.

– Ага, – ничуть не смутившись, продолжила рыжая. – Показательные выступления. Как насчет завтра?

– Может быть. – Корсар подал девушке визитку.

– Здорово! – Она подпрыгнула от радости. – Мы – очень прилежные ученицы… А можно с нами придет еще одна? Для вас не слишком?

«Ничто не слишком», – вспомнил Корсар девиз одного сомнительного героя из «Альтиста Данилова», улыбнулся:

– Все, что не слишком для вас, и для меня – приемлемо.

– Здорово. Меня зовут Юля, это, – она кивнула на подругу, – Лека, и с нами будет, скорее всего, Оля.

Олюня. Она – такая выдумщица! Да и вы, судя по всему, не консерватор.

– Только в политике.

– Вот политика нас совершенно не интересует… Мы позвоним вам около четырех, пойдет?

– Легко.

Юля, не теряя ни секунды и глядя в визитку, набрала мобильный Корсара, дождалась, когда он выдал приятную мелодию, резюмировала:

– Ну вот. Теперь – не потеряемся. Запоминайте. Только не «кисой». Юля Кравцова. О'кей?

– Договорились. А что написать вам на книге, Юля?

– Завтра и напишете. Надеюсь, после нашего… собеседования у вас появятся нетривиальные мысли и неизбитые выражения. Бай!

Она сделала пальчиками «оревуар», ее подруга Лека, хотя и не участвовала в разговоре, окинула фигуру Корсара одним взглядом, подмигнула, как старому знакомому, и ушла вслед за подругой, успев бросить:

– Мы очень прилежные ученицы. Но иногда – непослушные. – Улыбнулась застенчиво: – Будьте с нами построже…

– Насколько смогу, – смущенно пробормотал Корсар; смущенно оттого, что от стены, прикрывая собой пролом, как Александр Матросов – амбразуру вражеского дота, на него осуждающе взирала Стелла Леонидовна.

И только Корсар вознамерился сказать ей что-то утешительное, нет, не пригласить к себе, всякое благодеяние должно иметь разумные границы, а хотя бы предложить за свой счет заделать пробоину, как на него словно возникшим из небытия каменным Командором снова надвинулся седовласый:

– Дмитрий Петрович?

– Да?

– Меня зовут Иван Ильич Савельев, – произнес он, протягивая карточку. – Давно слежу за вашим… э-э-э-э… творчеством и рад, наконец, увидеть вживе.

Корсар бросил взгляд на визитку: «Президент фонда изящных искусств, профессор…»

– И чем же вам так пофартило мое э-э-э-э… творчество, профессор?

– Вы хотите казаться вульгарнее, чем есть?

– Да никем и ничем я не хочу казаться! Я такой, какой есть! Точка. Это вы заговорили о моем… э-э-э-э-э… творчестве, вот я и стремлюсь узнать причину вашей радости от лицезрения меня, как вы выразились, вживе…

– Соблаговолите подписать для меня ваш труд? – Он протянул книжку.

– Не соблаговолю. Вы ведь ее не читали!

– Читал. И очень внимательно.

– Да неужели?

– «Знаки», по вашему мнению, – это те же жесты, только зафиксированные в камне, металле, дереве, и передают понятные лишь посвященным знания не только непосредственно, но и сквозь века и тысячелетия. И вы дерзнули догадаться, что передают нам те или иные знаки. Это – всегда ценно.

– Вы считаете?

– Тот, кто умеет догадываться, имеет право на то, чтобы знать.

– Отлично. Давайте книжку.

Корсар отвернул лист, написал: «Профессору Ивану Ильичу Савельеву….», поднял глаза:

– А вы в какой области профессор, Иван Ильич?

– В разных. Я доктор биологических наук. Но специализация лежит скорее в плоскости биохимии. Органической химии.

– Изучаете грибы?

– Скорее вещества, что составляют живое… во взаимодействии… с другими веществами.

– Занятно, – пробормотал про себя Корсар. Дописал что положено: «…с добрыми пожеланиями» – и размашисто и неразборчиво расписался.

– Прошу.

– Завтра можно будет приобрести вашу новую книгу?

– Сделайте одолжение. Начало презентации в одиннадцать. Хотя… Как вы сказали? «Завтра» в этой жизни наступает не для всех»?

– Извините уж меня, бесполетного ученого червя, за такое ребячество… Зависть. К сожалению, я не вызываю искреннего внимания слабого пола.

«Ты еще крепкий старик, Розенбом!» – пронеслась в голове Корсара фраза из древнего мультфильма.

– Вы производите впечатление сильного человека.

– Это так. Но сие – не добавляет мне обаяния. А обаяние – качество куда более ценное, чем сила, и уж куда более редкое… Да, кстати…

Иван Ильич легко разогнул пятирублевик, свернутый намедни Корсаром из чистого озорства и каким-то образом оказавшийся у Савельева, подал Корсару:

– Деньги все-таки… Может, сгодится? – Кивнул на пробитую дыру в стене: – Только не говорите, что просто шутили. Таковое у психологов называется «эффект демонстрации».

– Да. Будем считать, это – риторический прием.

– Он вам удался… Я думаю, это самое меньшее, на что вы способны.

– «Каждый человек способен на многое, но не каждый знает, на что он способен», – отшутился было Корсар цитатой из «Бриллиантовой руки».

– Именно поэтому мне кажется, мы скоро встретимся вновь, – абсолютно серьезно ответил Савельев.

Он смотрел Корсару прямо в глаза, но вот Дима его глаз – ни цвета, ни выражения – рассмотреть не мог – дымчатая темень линз модных очков делала визави почти неузнаваемым.

«Стоит ему постричься, выкрасить шевелюру и одеться попроще – я его и не узнаю…»

Зачем Корсару узнавать случайного слушателя, почему он чувствует некую неосознанную не тревогу даже – беспокойство, но не то что сродни страху, тут что-то иное, чего нельзя даже объяснить… словно он общался… с кем-то… давно ушедшим. Корсару даже в уме неприятно было произносить слово «умершим».

Корсар скроил европейский жизнерадостный оскал «cheese» – эдакую вежливую, но непроницаемую броню от всех и всяческих попыток «надавать», «залезть в душу», кивнул насколько мог запростецки:

– Возможно.

– Вы хотели добавить: если Бог даст?

– Разве?

– Мне так показалось. Ну да: или – как Бог даст, или – как черт нашабашит… а – встретимся. – Савельев наклонил церемонно голову в поклоне, развернулся и ушел. Шагал он, как всегда, бесшумно.

– Странный субъект… Работает в вашем университете? – спросил он Стеллу Леонидовну, – дама во время разговора стояла тихохонько, как бы стараясь «не отсвечивать», пре-

вратиться в нечто неосязаемо-невесомое, вроде сухого осинового листка в школьном гербарии.

– Я его впервые вижу… – тихо произнесла она, словно переводя дух. – Веет от него чем-то таким… Даже не напряжением и не силой… или такой силой, какой не можешь противиться, потому что….

Стела Леонидовна поняла, что запуталась – в словах? чувствах? ощущениях? Она замолчала, скроила на лице подобие улыбки:

– Наверное, кто-то из родителей. Мы не препятствуем, в конце концов, у нас – платный университет и… – Помедлила, добавила: – Бандит, наверное. – Сложила сухо губки, поправилась: – В прошлом.

Корсару он бандитом как раз не показался. Даже в прошлом. Возможно, служивший в ГБ в те еще годы – он как-то привычно чуть «придавливал» собеседника, делая это почти интуитивно… Похоже – из борцов с «идеологическими диверсиями». И – что? Корсару уважать бы такого, только за что? Просвистели они идеологическую войну с «разлагающимся Западом» по полной, а потом – просвистели и страну! И прежде всего потому, что не смогли противостоять «кремлевским старцам» из Политбюро, которые еще в конце семидесятых по предложению Андропова программу постепенного изменения советского общества приняли, а вот исполнение ее – тихо похерили… И тогда каждый, кто поумнее, в Пятом Главном управлении стал тихохонько распахивать свою делянку…

А может, и не из Пятого, а из Одиннадцатого, курировавшего «техничку» и закрытые НИИ. Всяко может быть. И хотя выглядел профессор Савельев лет на пятьдесят, мог быть и старше, много старше… А уж эти обороты речи, словно сошедшие из фильмов шестидесятых про самое начало XX века: «Соблаговолите подписать….»

Корсар показал Стелле Леонидовне визитку. Но даму эту так просто было не пронять: уголок рта чуть опустился вниз, тщательно подведенная бровка приподнялась.

– Профессор? Сейчас чего только не напишут на этих… листовочках. Я больше доверяю личному впечатлению.

– И как прошла встреча со студентами, по вашему личному впечатлению? – быстро переменил тему Корсар.

Лицо дамы осветилось неискренней улыбкой.

– Живенько.

– Мне, право, неудобно, – так же неискренне улыбнулся Корсар, мельком глянул на зияющее отверстие в стене, вынул портмоне, – и если я могу компенсировать…

– Пустое, – отрезала Стелла Леонидовна. – За пару часов завхоз – он у нас действительно пышно именуется проректором по хозяйственной работе – все исправит. Это – его работа. – Еще раз бросила взгляд на визитку Савельева, потом на Корсара и с милой улыбкой процитировала, намеренно подправив, Пруткова: – «Если на клетке со львом написано «буйвол» – не верь глазам своим!»

Глава 8

Корсар вышел, наконец, из здания университета, спускался по ступенькам, щурясь на солнышко и всем существом своим ощущая тепло и умиротворение, когда услышал насмешливый голос:

– Дмитрий Корсар, ученый, спортсмен, плейбой… Кто еще?!

Та самая девушка, что буквально испарилась из аудитории, стояла в двух шагах от ступенек, не сводя с него объектива мощного фотоаппарата. Видимо, на лице Корсара отобразились разные чувства, от растерянности до ярости… и фотоаппарат прилежно фиксировал всю эту сменяющуюся гамму: затвор работал как скорострельный автомат…

– Ольга Белова, специальный корреспондент The Daily Majestic в России, – скороговоркой проговорила она, опустив аппарат, который продолжал снимать. – Я хочу…

– Во-первых, предупреждаю вас о том, что разрешение на съемку я не давал и появление любого из моих фото, сделанных вами сейчас, на страницах прессы будет расценен моими юристами как вмешательство в частную жизнь и ваши издатели раскошелятся на кругленькую сумму…

– А мне казалось, вы не чураетесь прессы, напротив….

– Креститесь, когда кажется.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза; ее взгляд был столь необычен, что…

– Где я вас мог видеть раньше?.. – совершенно неожиданно для себя спросил Корсар.

– В аудитории, где вы читали лекцию. Нужно сказать, довольно своеобразную.

– А – раньше?..

– Везде. У вас – Deja Vu?

– Возможно…

– Не пугайтесь. Для меня это – нормальное состояние.

– Ну да… Для вас и чародейство – норма жизни…

– А для вас разве – нет?

– Вы *пишете* наш разговор?

– Конечно. Какой же без этого *специальный* корреспондент?

– И что побудило ваше издание проявить особое внимание к моей скромной персоне?

Девушка хмыкнула иронически:

– Скромность – это ваше второе имя? Не замечала…

– Это – седьмое. После любви, доброты, справедливости, утонченности, внимательности к людям и миру и имени собственного – Дмитрий.

– Вы совершенны, как Эверест в ясную погоду.

– А еще – я умный и красивый.

Ольга, не выдержав, расхохоталась:

– Здорово. Так могу я рассчитывать на эксклюзивное интервью?

– Завтра…

– По-моему, на завтра вы уже назначили… консультацию двум… молоденьким леди…

– Ревнуете?

– Я? Да боже упаси! Если только самую чуточку…

– Хоть это приятно. Так что же все-таки заинтересовало кудесников из The Daily Majestic?

– Ваша новая книга. «Грибница», кажется.

– Завтра в одиннадцать в Доме книги у меня презентация. После я обещаю…

– Димка! Корсар!

Налетевший мужчина, крупный, ширококостный, словно медведь, подхватил Корсара, сжимал в объятиях…

– Ну надо же! Сколько лет!

– Бурый! Ты?!

– Я, Корсар, я.

Ольга, не теряя времени, защелкала фотоаппаратом.

– Девушка, я попросил бы, – досадливо поморщившись, выговорил Корсар.

– Ольга. Меня зовут Ольга.

– Я помню. И еще вы – специальный корреспондент.

– Да ты что! – Буров обратился к девушке, щелкнул каблуками, чуть склонил голову: – Александр Буров, для своих – просто Бурый!

– Ольга Белова. – Девушка испытывающе рассматривала Бурова, Корсар заметил – точно так же, как намедни его самого: словно стрекозу или бабочку, оценивая, заслуживает сей экземпляр быть присоединенным к коллекции или…

А Буров тем временем приобнял Корсара:

– Ну так – запечатлейте встречу боевых друзей после более чем десяти лет разлуки! Для истории!

– Бурый…

– Боевых друзей? – удивленно приподняла бровки Ольга.

– Ну! Мы с Корсаром в Таджикистане в свое время… рассекали пространство… А? Каково сказано? Вы запишите: рассекали пространство – трассирующими пулями… Ночь была теплой и сказочной, а в этой ночи злые «духи» вели тихие караваны с «белой смертью»… И мы, безымянные герои тех лет…

– Бурый, заткнись, а?

– Суровые мужчины, «зеленые береты»…

Фотоаппарат разразился серией щелчков.

– Ну! – откровенно веселился Буров. – Бойцы насквозь невидимого фронта борьбы с…

– Бурый! – пытался одернуть его Корсар.

– Не злись, Корсар! Это я – от внутренней зажатости перед объективом!

– От чего?

– Смущаюсь я!

– Да ну?

– Сам не подозревал, пока не увидел такую красавицу… Скажите, Ольга…

– Вы попутали, Буров. – С нарочито высокомерной иронией Белова смерила «однополчанина» красноречивым взглядом. – Это я – беру интервью.

– Да? – радостно осклабился Буров, «не заметив» сарказма. – Так я – дам. И не только интервью…

– А по ушам? – тихонько бросил ему Корсар.

– Ну, звыняйтэ, дядько, нэ зразумив…

– О-тож.

– Извините, мисс Ольга. – Буров принял уморительно серьезный, почти скорбный вид, оттого слова его звучали особенно забавно. – Долгая монотонная служба в гусарском полку, так сказать, на периферии, среди малообразованных туземцев, наложила неизгладимый отпечаток на интеллект и…

– Это – очевидно.

– Как жаль. Но надежда-то есть?

– Кро-о-охотная.

– Лучше, чем никакой. Зато я – товарищ хороший.

– Подтверждаете? – Ольга бросила лукавый взгляд на Дмитрия. Корсар кивнул. – Тогда – прощаю. – Ольга посмотрела пристально в глаза Корсару: – До завтра?

– Да. Я же обещал.

Девушка улыбнулась, сдула обоим с руки поцелуй, развернулась, подошла к наворо-ченному мотоциклу, надела шлем, завела в одно касание и – вихрем умчалась в поток машин.

Корсар проводил девушку долгим взглядом…

– Извини, старик. У вас тут, похоже, *роман* намечается… А тут я – не в тему… – Буров вздохнул: – «Все лучшее в этой жизни достается камер-юнкерам или генералам…»

– Не могу вспомнить, где же я ее все-таки видел?..

– Во сне.

– Может быть…

– А скорее – в телевизоре. Я тебя, Корсар, только там крайнее время и вижу. Знамени-тость, ёлы-палы.

– Да ладно. Просто – жизнь сейчас такая. Разводит.

– Да жизнь – всегда такая! Ты сегодня вечером свободен? В смысле – посидеть, старое помянуть…

– Я вообще-то к спиртному – не очень…

– Помню. «Чай пьешь – орёль лэтаешь, водка пьешь – дрова лэжишь…» Но по пять-десят грамм – кому оно вредило?

– Да за рулем я…

– Так я – тоже. Димыч, ну неправильно это – столько лет не видеться и – разъехаться вот так вот – «пока-пока…».

– Неправильно. Ладно. Поехали. Прямо в моем доме есть кафе.

– Приличное?

– Увидишь.

– И в нем можно – по-взрослому?

Корсар махнул рукой:

– Ну, если будет вытанцовываться по-взрослому – поднимемся ко мне. Ты на чем?

– Да вон, «росинант». – Буров кивнул на притертый к поребрику «мерседес» этого года выпуска. Добавил скромно: – Служебный.

– Бурый?! А ты, часом, не генерал?

– Нет.

– И какой же службе государь простым служивым такие авто жалует?

– Частное предприятие «Сириус». Руковожу там «безпекой».[13]

– «Сириус»… Не слышал. Чем торгуете? Не звездами, случаем?

– Мечтами. О красивой жизни. Материализованными, естественно. Недвижимость, земли, замки… Тебе не надо?

– Надо. Как всем. Вот схроны с золотом отрою… И еще бы – немного вечности.

– Поищем – найдем.

– А покупают? Ну да, ну да… Мог бы по машине догадаться. И пистоль-самопал у тебя где, Бурый?

– Я же начальник службы безопасности, а не «торпеда». Зачем мне пистоль?

– Для авторитета.

– Для него есть у меня «стечкин» в сейфе. Полновесный. Вообще-то все наши анало-гами «макаровых» обходятся, но я для себя – расстарался.

– Солидности прибавляет?

– И ее тоже. Но и, если что…

[13] Безопасность (*укр.*).

– Помню. Вещь убойная. Кстати, ты спьяну не буйный?

– Веселый я! Ты что, забыл?

– Десять лет минуло.

– Ну и вычтем их. Годы-то были – нулевые. От вычитания таких – сумма не меняется.

– «От перемены мест слагаемых сумма не меняется…» – напел Корсар, сам не зная почему…

– Ты о чем?

– Не знаю уже. По коням?

Корсар на джипе плавно вписался в поток, «мерседес» двинул следом.

Оптика приближает с высокой точки лица Корсара и Бурова. Щелчки затвора фотокамеры. – «Операция «Омега». Первый этап проведен штатно. Принимайте. Конец связи».

Автомобиль Корсара мчится по улицам Москвы. За ним – «мерседес» Бурова. Чуть поодаль, прячась за чередой машин – фургончик «автосервис» с наглухо тонированными стеклами. – «Второй принял. Штатно. Конец связи».

Глава 9

Приятели расположились на роскошном ковре во весь пол; горел камин, а они как-то незаметно для непьющих и «совсем мало пьющих» «приговаривали» уже вторую полновесную литровую фляжечку «Хеннесси» и были, что называется, навеселе «очень и очень» и что-то не в такт и неслаженно напевали…

Черно-белая фотография, где были сняты трое бойцов в полевой форме – среди них, конечно, и Корсар, и Буров, и еще один, с лицом худощавым и взглядом серьезным, была выужена из альбома и стояла на каминной полке на почетном месте.

Плазменный телевизор работал скорее фоном; какой-то музыкальный канал транслировал клип за клипом; звук был приглушен, и только разноцветные блики с экрана делали лица Александра и Димы странными, похожими на маски или, скорее, на личины на улицах средневекового венецианского карнавала…

Корсар вдруг впал в странное состояние – будто такое с ним было уже или еще будет; блики отражались в расширенных черных зрачках, ритм музыки нарастал, становился дробным и неровным, как прицельные пулеметные очереди, и он не вспомнил даже – увидел все, бывшее с ними давно-давно, в *той* жизни и на той войне…

...И вспышки блицев стали вспышками близких разрывов, огнем из пламегасителей автоматов…

...Корсар, вжимая приклад РПК в плечо, ведет огонь короткими очередями из пограничной засады-секрета…

...Чуть поодаль – караван: навьюченные животные; мешки пробиты пулями; оттуда сыплется белый порошок… «Секрет» пограничников окружен «духами»; четверо парней огрызаются во все стороны короткими очередями; разноцветные трассы пуль во все стороны… Четвертый – пытается вызвать по рации подмогу. Пуля пробивает каску и голову, убитый с открытыми глазами сползает на дно окопчика…

...Корсар коротко, без замаха, бросает несколько гранат. Товарищ, прошитый очередью, замирает. Взрыв гранаты рядом – и еще двое пограничников, полуприсыпанные, замирают безжизненно. Корсар жестко огрызается короткими очередями, хрипит в микрофон рации: «Огонь на меня! Огонь!»

...Буров двумя короткими очередями в упор расстреливает двоих «духов», появившихся на бруствере окопчика…

...Они остаются вдвоем – раненные – Корсар и Буров – спина к спине и ведут огонь по приближающимся «духам»... Прикрывая раненого командира – капитана Игнатова, что лежит на дне окопчика…

…Из темноты выныривает «крокодил»; работает ракетами и пулеметами. Все пространство вокруг – в огне; огненные блики пляшут на радужке черных расширенных зрачков упавшего на спину Корсара…

…Огненные блики пляшут на радужке расширенных зрачков Корсара…

– Что с тобой, Димка! – Буров тряс товарища за плечи…

– А что – со мной?

– На команды не реагируешь, чарку в длань не принимаешь…

– Достаточно уже.

– Ну что, тогда я – на посошок и – поеду?

– За руль, в таком состоянии?

– Такси. Есть такое изобретение.

– Да ладно. Укладывайся на диван, а я – на второй этаж.

– Всегда мечтал спать рядом с камином.

– Вот и осуществишь…

– Не, серьезно, что с тобою вдруг стало…

– Да вспомнилось… Как накрыло нас…

– А-а-а… Я стараюсь не вспоминать.

– Почему?

– Сгинули бы ни за что. Я тогда – дурак был. Молодой.

– А сейчас?

– Сейчас умный. Видишь, какой коньяк пью? И с каким человеком? Во! Так что – лучше не вспоминать. Воспоминания не лечат. От них – только хуже.

– И я не вспоминаю, – отозвался Корсар. – Просто сейчас… отчего-то.

– Живы и – хорошо. А как Вовка Игнатов? Что-то я о нем давно ничего?

– В гору идет. Генерал.

– Чего?

– ФСБ. Вроде. Или чего-то похожего.

– По пограничной страже?

– Куда там! Какое-то управление возглавляет. Не Главное, конечно, но… А из тебя бы, Бурый, хороший генерал получился. Представительный.

– Мне и так неплохо. Да и… Не стал бы я генералом.

– Чего?

– Прогибаться не люблю. Прежде чем начнешь других нагибать – самому эту науку превзойти нужно…

– Не всегда… наверное.

– Всегда.

– А в твоей частной службе безопасности у тебя что, боссов нет?

– Есть. Но до них далеко, как до того Сириуса. Встречаюсь раз в полгода на совещаниях…

– Если нет иных указаний…

– Ты не лыбься, Корсар. Если служба поставлена правильно, она сама работает как отлаженный механизм.

– Да ты что?

– А ты думал…

– А как же КГБ? Служба была поставлена правильно, а такую страну позволила развалить…

– Видно, «прогнило что-то в Датском королевстве…». А гниль, она всегда сверху, ежели начнется.

– Выпил много, а рассуждаешь – трезво.

– Я – такой…

Буров подхватил книжку «Грибница», прочел название, посмотрел на обратную сторону обложки, где красовался фотопортрет Корсара – в широкополой шляпе, дымчатых очках… Буров заметил эту шляпу на вешалке, надел, водрузил на переносицу темные очки, глянул на Корсара:

– Похож?

– Копия!

– То-то. Но – умом не шибко вышел. – Буров небрежно взлохматил страницы книги, попытался придать пьяной ухмылке сарказм: – А вот ты умный, Корсар, да?

– Не знаю.

– А пишешь – всякую хрень! Не, про древние цивилизации, про то, что в земле отрыли, про пирамиды, которые повсюду, – это я и у тебя, и до тебя читал. Это – интересно. А теперь – что? Пособие какое-то, как отличить боровик от мухомора?!

– Не юродствуй, Бурый! И поаккуратнее с книжкой, пока – это единственный экземпляр, сигнальный.

– Лады. Буду беречь.

– Дай сюда. И это – не хрень.

– Обоснуй! – Бобров с пьяной настойчивостью вперился взглядом в Корсара.

– Понимаешь… Некоторые виды грибов содержат психоактивные вещества…

– Слушай, это и ежам известно! Скушал очень бледную поганку – и сделался не еж, а полный песец! Трындец – общий и окончательный!

– Ты не перебивай!

– Я – дискуссию поощряю! Надеюсь, стенку в доме крушить не будешь?

– А ты откуда знаешь? Про стенку?

– Это – основное, что запомнилось молодежи из твоей, с позволения сказать, лекции… Слухами земля…

– Ну и слушай! Тысячелетия назад – тысячелетия! – шесть, семь, восемь, двадцать пять, неведомо сколько – люди заметили и изучали свойства грибов.

Самые известные вещества, способствующие изменению сознания…

– Чего?

– Другому взгляду на мир и самого себя…

– А-а-а…

– …это – псилоцибин и псилоцин. В грибах основными психоактивными веществами являются псилоцибин и псилоцин, также часто встречаются химически схожие баецистин, норбаецистин, которые, как буффотенин и серотонин, являются производными триптамина. Как все дериваты триптамина, псилоцибин и псилоцин также схожи с LSD, все они относятся к соединениям индола.[14]

Буров склонил голову набок, внимательно глядя на Корсара:

– Сам понял, что сказал?

– Ну!

– Переведи!

– Короче: благодаря этим веществам служители разных культов – от русских волхвов до ассиро-вавилонских и египетских жрецов и мексиканских индейцев – вводили себя или паству в особое состояние сознания…

– Ты хронологию попутал…

– Нет. Русы, они же асуры, были раньше и ассирийцев и египтян. Они…

– Наркоманили, короче… – перебил Буров, ухмыльнулся: – А те, кто толк знал, – наркошествовали!

– Словами играешься?

– Ну не тебе же одному!

– Но дело даже не в этом! Если бы ты был на лекции, ты бы понял!

– Так растолкуй простыми словами…

– Хорошо. Грибов полтора миллионов видов – это больше, чем видов растений и животных, вместе взятых. Из них описано примерно семьдесят тысяч, то есть менее пяти процентов всех существующих. Свойства остальных – *девяноста пяти процентов грибов неизвестны*, вернее, известны, но – не официальной науке, а определенным людям, которые тысячелетия изучали эти свойства!

---

[14] Из реферата Кати Винник «Галлюциногенные грибы и их действие».

– Кажется, я – понял…

– Вот именно: «Грибница» – это еще и сообщество посвященных, которые могут воздействовать на сознание больших групп людей или отдельных индивидуумов – избирательно. Ни целей, ни задач, ни возможностей этих людей мы не знаем…

– А нам – оно нужно?

– Ну интересно же! Ты пойми… Тут… не про то… В древних обществах тогдашние алхимики…

– Помню. Золото из дерьма делали. – Буров хохотнул. – Только дерьмовое у них получалось золото, видно.

Двое в неприметном автомобиле-фургоне переглянулись автоматически: все, что говорилось в квартире Корсара, писалось на диск компьютера. У обоих были красные белки глаз и чуть припухшие, словно воспаленные веки… В фургоне стоял полумрак, светились только приборы, но тот, что глянул на экран, чтобы подстроить диаграмму записи, поспешил надеть темные светофильтровые очки…

Буров скривился саркастически:

– Знаешь, что я тебе скажу, друг Корсар? Лет десять назад легенды о «мировом заговоре» еще будоражили умы; они и сейчас в каждом втором номере какого-нибудь «Оракула» или «Космоса и Вселенной», если не в каждом первом. Так что… Ты сам-то во все, что написал, веришь?

– Верю я в Бога. Обо всем остальном просто стараюсь догадаться.

Корсар, горячась, развернул книгу:

– Вот фотографии. Сделаны с фресок многотысячелетней давности в разных частях света. И – с более поздних – рисунков, картин, парсун… Ничего не замечаешь?

– Что-то у них с глазами… «И пьяницы с глазами кроликов «In vino veritas!» кричат». Владимир Маяковский, поэма «Хорошо!».

– Бурый, Маяковскому было хорошо по другому поводу!

– Да?

– А это – Александр Блок. «Незнакомка».

– Правда?

Буров иронично прищурился, продекламировал неожиданно сильно и выразительно, аккомпанируя себе рукой:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух…

Буров замолчал, внимательно посмотрел на Корсара:

– Димыч, ты, по-моему, опять «уплыл…».

– Нет, здесь другое… Вспомнилась эта Ольга… Ведь я ее… где-то видел… вернее, даже не так: я ее откуда-то помню… И помню очень хорошо, зримо, как это блоковское стихотворение…

…И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука…

Корсар задумался на мгновение, тряхнул головой… Буров посмотрел на товарища как на закапризничавшего дитятю, вздохнул:

– Да не переживай ты так, пират. Завтра объявится эта ненаглядная, никуда не денется… – Напел, чуть фальшивя: – «Роман и есть роман, в нем все как надлежит…»

– Ты не понимаешь, Сашка…

– Да куда уж плотнику супротив столяра… Слушай, а что это за знак на некоторых рисунках? Похожий на греческую букву омега?

– Символ уробороса.

– Что за зверь?

– Пресмыкающееся. Мировой змей. Круг. Бесконечное множество бесконечно малых прямых, замкнутых в бесконечности.

– Бред.

– Тогда уж – бред мироздания. Бесконечно малая прямая – это точка, стремящаяся к исчезновению.

Корсар кивнул каким-то своим мыслям, плеснул обоим коньяку, выпили.

– «И сказал Господь Бог змею: проклят ты пред всеми скотами… и вражду положу между тобою и между женою… Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту…»[15] Это одна версия… А вторая – из книги Славяно-Русских Вед: «И в провал, в ущелье, в подземный мир по хотенью-веленью Сварожьему был низвержен Змей – повелитель тьмы».

– Ну раз низвержен, так и – пес с ним…

– Не пес… – с нетрезвым упорством возразил Корсар. – «Вслед за Змеем в царство змеиное все низринулись силы черные…»

– И заниматься ими будут работники серпентария. Хватит бредить. Спать пора.

– Сашка… ты ухватил самую суть книги… ты понял…

– Слушай, ученый… Четвертый час. Скоро светать начнет. Давай все-таки по крайней и – баиньки?

Огонь в камине догорел; редкие угольки переливались малиновым, подернутые тонкой патиной сгоревшего пепла.

[15] Бытие, 3: 14—15.

Глава 10

Перелет частным бортом в Польшу прошел быстро. Как и поездка по словно выглаженной дороге; автомобиль остановился у ворот, они автоматически отъехали в сторону. Автомобиль припарковался в длинном ряду подобных – дорогих, породистых иномарок.

На едва различимом ветерке вяло плескался польский флаг рядом с американским. Ивана Ильича Савельева и бывшего с ним рядом худощавого парня в темных очках встретили и препроводили в здание, оказавшееся большим залом, представили как Гарри и Джона двоим мужчинам и даме лет тридцати.

Мужчины тоже представились Смитом и Джексоном. Смит был высок, скуласт, коротко стрижен; пшеничного цвета волосы обильно помешались с сединой; ему было явно за шестьдесят; костюм сидел как влитой, но было очевидно, что ему привычнее военная форма; холодные голубые глаза смотрели безо всякого выражения на Савельева и его спутника, лишь обязательная улыбка при знакомстве и символическом рукопожатии. Джексон явно был латиноамериканцем по происхождению, был он моложе, гибче; темные глаза смотрели весело, но за веселостью этой тлела привычная неприкрытая угроза – всем в этом мире, а может, и самому миру. Савельев только усмехнулся про себя. Молодость, глупость… Дама представилась как Джейн.

Зал был устелен татами; но он вовсе не походил на обычный спортивный зал – скорее на цех какого-нибудь захолустного, заброшенного завода. Огромные металлические стропила поддерживали высокую крышу; поверху проходили и коммуникации – лесенки с перилами и монорельсы; там же были укреплены и прожекторы, заливавшие центр зала почти бестеневым галогенным светом.

Иван Ильич Савельев с этими троими расположился за столиком на балюстраде, опоясывающей зал-цех. Его помощник удалился.

По всей балюстраде – так же, группками, расположились господа и дамы, предвкушая древнее как мир, но по-прежнему изысканное и волнующее зрелище – как люди будут убивать людей.

Сначала, как и в любом шоу, прошел «разогрев» публики. Бойцы попарно и группами, обряженные в античные туники, азартно избивали друг друга, с треском ломали конечности… Крики, вой боли и страха… Кровь…

Но… Присутствовал рефери. Он давал знак молодцам в униформе, стилизованной под тигриные шкуры, команду, и они уносили отключившихся. А победитель или группа победителей срывали жидкие аплодисменты.

Постепенно публика подогревалась спиртным, заводилась, и вот – настал черед настоящих первых гладиаторских боев…

Звенели мечи, доспехи, с треском ломались кости и рвались сухожилия, порою кровь фонтаном била из напряженной боем взрезанной артерии, но никто не спешил остановить, позвать на помощь… Как в римском Колизее, поверженный лишь протягивал руку к публике с мольбой о пощаде и получал или надежду на жизнь, или – быструю смерть.

Несмотря на хорошую работу мощных кондиционеров, в воздухе отчетливо пахло кровью… И чем-то еще – страхом? похотью? неприкрытым цинизмом насилия? – не понять.

Шесть пар гладиаторов сменили друг друга. Наступил перерыв. Свет ушел вверх, на длинный подиум, на котором в странном танце извивались обнаженные, раскрашенные разноцветными красками под татуировки танцовщицы, аккомпанируя себе браслетами на ногах и руках, щелчками, хлопками, гортанными выкриками… Единственным музыкальным инструментом был похожий на шаманский бубен, в который глухо ударял детина с телом атлета и лицом проститутки.

В это время внизу татами посыпались свежими опилками… Заявленный бой был сразу обозначен как основной. Пришли – ради него.

На арену, обнаженный по пояс, в высоких шнурованных ботинках и пятнистых штанах спецназа вышел сухощавый мужчина, приехавший с Савельевым. В руке его был короткий обоюдоострый боевой нож. Против него выстроилась маленькая армия – с мечами, дротиками, кинжалами всех мастей и размеров…

Смит бросил взгляд на Савельева:

– Устроителям необходимо отработать собранные деньги – и плату, и тотализатор… Не хотите ли тоже сделать ставку?

– Я не играю в азартные игры.

– Отчего? – спросила девушка.

– Всегда выигрываю.

– Вы уверены, что ваш боец… не будет ранен? Скажем, эти два китайца мастерски владеют мечами, а остальные…

– Это не имеет никакого значения, – бросил Савельев.

Бой барабанов постепенно нарастал за сценой, пока не замер, мгновенно погрузив зал в звенящую тишину.

Свист холодного оружия рассек воздух, раздались короткие гортанные боевые выкрики… А все дальнейшее – напоминало побоище. Казалось, боец Савельева не допускает ни одного лишнего или ненужного движения, да и они были столь стремительны и притом плавны, что это более походило на какой-то танец тайного шаманского камлания…

Взрывы крови из напряженных боем взрезанных артерий, короткие жесткие удары ножа, пробивающие грудину или череп… И вот уже вся дюжина вооруженных бойцов лежала на опилках: кто – не дыша, глядя в высокий потолок остекленевшим взглядом, кто – давясь последним смертным хрипом или сотрясаемый последней судорогой. Все произошло так быстро, что….

Зал замер. Боец с ножом кротко поклонился, словно извиняясь за неэффектность представления, и покинул ристалище – в полной тишине.

– «Зал затих… Я вышел на подмостки, прислонясь к дверному косяку… Я ловлю в случайном отголоске – что случится на моем веку…»[16] – спокойно, словно нехотя, и с какой-то едва уловимой долей то ли усталости, то ли цинизма продекламировал Савельев…

Похоже, русский понимала одна Джейн. Она со странным выражением посмотрела в глаза Савельева – вернее, пыталась это сделать сквозь дымчатое стекло в золотом ободке: очки Савельев так и не снял. Потом произнесла хрипло, кивнув на заваленное трупами татами внизу:

– Вы знаете что-либо более волнующее, чем *это*?

– Да, – безэмоционально произнес Савельев. – Убивать – самому.

Воцарилось молчание. Моложавый «викинг» Смит невозмутимо смерил Ивана Ильича «нордическим» взглядом, пожал плечами:

– Просто работа.

– И в рукопашной? – едва приподнял бровь Савельев.

Что-то зажглось дальнее и давнее в невозмутимом взгляде легионера, уголки губ чуть дрогнули, и он произнес, пригубив коньяк:

– Да. Пожалуй, вы правы, *Гарри*. Послевкусие… отменное.

– Итак?

– Мы согласны на эксперимент, господин Савельев.

– Очень хорошо. Мой человек сделает десяти вашим бойцам по одной инъекции.

[16] Из стихотворения Б. Пастернака.

– Хотелось бы знать…

– Конечно, те же навыки, что мой боец, им получить не удастся… сразу. Какое-то время им придется привыкать…

– К чему?

– К новому качеству работы – мозга, нервной и эндокринной системы, костно-мышечного аппарата…

– Как я понял, ваш препарат ускоряет реакцию…

– Он ускоряет *все* процессы, и прежде всего – в головном мозге… Известно, что в мозгу человека – порядка десяти миллиардов клеток, а многие, прожив даже очень долгую жизнь, используют не более трех процентов потенциала этого могучего инструмента. Но качество работы мозга зависит даже не от количества задействованных клеток, а от количества связей между клетками мозга, скорости их взаимодействия друг с другом и передачи сигнала клеткам других органов и тканей…

– Ускоряются все процессы?

– Да. Я думаю, ваши парни быстро с этим освоятся.

– Побочные эффекты?

– При ярком свете – небольшая резь в глазах, иногда – легкие галлюцинации… Сначала. Потом проходит.

– Я заметил, у вашего бойца красные веки. И белки глаз.

– Ведь обычные солнцезащитные очки сейчас носят почти все и везде, нет?

– Вы правы, это несущественно. Срок действия… сыворотки?

– Пожизненно. Но, думаю, трех-четырех месяцев вам хватит, чтобы убедиться в выгоде такой сделки для армии США.

– Вы уверены, что мы представляем армию? – вмешался латиноамериканец.

– А какая *мне* разница?

– Вы не боитесь, что наши спецы по анализу крови сумеют распознать элементы препарата и синтезировать нечто подобное?

– Нет.

– Тогда у нас – один выход: захватить вашего супермена с вами вместе и узнать формулу или из ваших уст, или произведя анализ препарата из ампул, – насмешливо прищурился Смит. Помолчал, разглядывая бесстрастное лицо Савельева. – Я думаю, так лучше, чем платить вам миллион сейчас и впоследствии, когда сделка заработает в полную силу, – пятьдесят миллионов долларов.

Плечи Савельева затряслись, и, только когда он не смог сдержаться и изо рта его вылетели булькающие звуки, американцы поняли, что этот русский – так смеется.

Савельев глотнул вина из бокала, перевел дух, взглянул на Смита и выговорил резко, грубо, сымитировав техасский выговор Смита:

– «Я думаю, так лучше…» Да кого интересует, Смит, *что* и *как* вы думаете?

Бронзовое лицо «викинга» залила краска гнева, а Савельев продолжил:

– Выполняйте то, что вам *приказано*. – Хохотнул, добавил по-русски, ерничая: – Шаг вправо, шаг влево – побег, прыжок на месте – провокация.

Улыбнулась одна Джейн. Пискнула эсэмэска на ее мобильном, Джейн посерьезнела:

– Смит у нас – генерал. Он не может без этой глупой военщины… – Она уперлась взглядом в переносицу Смита.

– Джексон, дайте команду нашей группе и проследите, чтобы… договор был выполнен с точностью, – тихо произнес Смит, не глядя на латиноамериканца Джексона.

– Да, сэр, – кивнул Джексон и удалился.

– А вы, генерал, поскучайте пока в одиночестве. С господином Савельевым хочет поговорить еще один человек. – Она повернулась к Савельеву, добавила на чистом литературном русском: – Конечно, если вы, Иван Ильич, соблаговолите принять это предложение…

– Соблаговолю, – с неприкрытой иронией произнес Савельев. – Тем более ради разговора с господином Збигневом Джезинским мы и прилетели, нет?

– Следуйте за мной… – чуть раздосадованно бросила Джейн и пошла вперед.

Они шагали по коридору довольно быстро.

– Раз уж вы догадались, с кем будете говорить, это не обязательно произносить вслух, – едва слышно, но очень внятно произнесла девушка с долей раздражения.

– Да бросьте, Джейн. Если уж вам так надо соблюсти «тайну вкладов», велите зарезать и «генерала Смита», и его подручного «Джексона». – Савельев хохотнул: – Или в Штатах – генералов мало?

– Мне не очень импонирует ваш тон, – старательно подбирая слова, тихо выговорила Джейн. – Вы должны отдавать себе отчет в том, что господин Джезинский – весьма сильный человек, а… – Она помедлила, закончила: – Как вы выражаетесь, «велеть зарезать» можно *любого*.

– Приказать – можно, сделать нельзя.

Лицо Джейн, помимо ее воли, скривила улыбка презрения и превосходства.

– Доктор Джезинский могуществен даже среди очень сильных людей, и…

– Но не сильнее смерти, – кротко бросил Савельев, и Джейн прикусила губу. Потом, пересилив себя, произнесла насколько смогла мягко:

– И все же – это не рубака Смит; он может быть очень жестким, а может – и одарить так, что…

– «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен…»

– Простите?

– Пушкин Александр Сергеевич. «Песнь о Вещем Олеге».

Джейн поджала губы, открыла одну из дверей, произнесла:

– Прошу.

Джейн пропустила Савельева вперед, обменялась мимолетным взглядом с пожилым господином, сидевшим в кресле так, что жесткое лицо его оставалось в тени, и – ретировалась, прикрыв за собой дверь.

– Итак, вы, господин Савельев, догадались, с кем будете говорить. Может быть, вы уже знаете о чем?

– О да. «Всех же дней жизни Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер». Вам – восемьдесят девять. И вы – хотите жить.

– Да. За столько лет – привык как-то.

– И сколько вам нужно *еще*?

– А сколько вы можете… предложить?

– Девятьсот не обещаю – поизносили вы организм, господин Джезинский… Но за шестьсот – семьсот лет, пожалуй, поручусь. Естественно, если исключить насильственную смерть. Но это – уже ваша проблема.

– Это – вообще не проблема.

Лицо Джезинского закаменело, он молчал минуту-другую.

– Скажите, господин Савельев, а среди ваших клиентов были такие, что умерли… в своей постели… после семисот или восьмисот лет жизни?

– Не знаю, – совершенно равнодушно отозвался Савельев. – Мне и двухсот-то нет!

Джезинский замер, глотнул из маленькой чашечки, спросил тихо:

– И *что* вы за *это* хотите?

– Господин Джезинский, мне – торговаться с урожденным польским евреем, столпом американской демократии и одним из теневых князей мира сего… прямо сейчас?

– Я спросил – *что*.

– Решим по ходу дела. Семьсот лет, знаете ли, срок достаточный.

Джезинский прикрыл веки, кивнул:

– Согласен. Но… вы ведь… не вполне владеете… технологией, нет?

– Что вы имеете в виду?

– Вот этого господина.

Джезинский бросил на стол черно-белое фото. На нем американский миллиардер Арнольд Хаммер и председатель Совнаркома Владимир Ильич Ленин сидели рядом за столиком и синхронно улыбались в объектив…

– Арнольд Хаммер был первым из представителей американских деловых кругов, решившим начать бизнес с Советской Россией. Ну а Ленин… и «теперь живее всех живых», – не удержавшись, хохотнул Савельев.

– Меня интересует третий. Это – *он*?

В глубине фото нечетко вырисовывалось лицо человека с короткой бородкой и длинными, гладко зачесанными назад волосами.

Лицо Савельева замкнулось, закаменело.

– Да.

– Здесь ему на вид лет около шестидесяти. Как он выглядит теперь?

– Так же.

– Как его настоящее имя?

– О…

– Я имел в виду – его теперешнее имя…

– Для вас это будет избыточное знание, господин Джезинский.

– Даже так?

Пауза застыла, как остановленное время. Лицо Джезинского, казалось, сделалось маской. Тишину нарушало только едва слышное гудение кондиционера.

– Я знаю об этом мире столько, господин Савельев, – тихо прошелестел магнат, – что вам и не снилось…

– Сны… Порой мне кажется, что сны – это и есть истинная жизнь, а жизнь так называемая реальная – лишь прелюдия к ним…

– Да вы – поэт… – с легкой иронией заметил американец.

– «От многие знания многие печали, и, умножая познания, умножаем скорбь…»

– Не нужно мне цитировать Экклезиаста. У нас деловой разговор. Как я понимаю, *этого* господина, – Джезинский кивнул на третьего на фото, – *уговорить* не удастся.

– Вы правильно понимаете.

– Итак, *что* вам нужно сейчас, для *быстрого* получения… технологии? Вы поняли меня, доктор Савельев?

– Да. Для начала – чашку чаю, пожалуйста.

Джезинский нажал невидимую кнопку. И – снова замер, прикрыв веки… Спросил вдруг:

– Я вот подумал… Вы называете сроки в шестьсот – семьсот лет, и вам нет смысла лгать *мне*...

– Все это правда.

– Неужели за… столько лет… никто не… догадался?

– Случалось. Но… одним мы делали предложение, которое невозможно было отклонить, а другие… Долго они и раньше не жили, и теперь… Все как-то скоропостижно…

– Разумно. – Слова эти прошелестели по комнате, как ссохшийся пергамент.

Вошла девушка в наколке и фартучке, катя перед собой сервировочный столик.

– Вам чай с сахаром? – вежливо осведомилась она у Савельева.

– С медом. – Русский снял очки, помассировал прикрытые веки, посмотрел на девушку, растянув губы в улыбке с холодным взглядом льдистых глаз в красных ободках слегка воспаленных век: – Продрог.

Глава 11

…Солнце скрылось в тучах, по сводчатому пространству ресторанчика загулял прохладный сквознячок… А Корсару – представлялась зима. Вернее, длинное белое пространство, и одинокий путник брел через него по тропке вверх, к огням жилого строения, откуда веяло дымком и теплом… И отчего-то знал, что там и самовар гудит в жарко натопленной горнице, и огонь весело резвится в печурке, и пахнет травами и медом… И путник шел, преодолевая секущую поземку, неспешно, в такт шагам, повторяя и повторяя невесть откуда берущиеся странные строки…

Я, наверно, опять эту зиму забуду,
Как забыл триста зим и три тысячи лет,
И вернусь в свое лето почти ниоткуда,
Безупречен, как бог, и внезапен, как бред,

И пойду по песку к кромке волн океана,
И пойду по воде – в предрассветную тишь,
И барахтаться будет счастливо и рьяно
В полусонной волне полусонный малыш,

И потом – встанет солнце, играя и грея,
Пробираясь сквозь волны до самого дна,
И пойдут корабли к берегам Эритреи,
Где земля и вода от закатов красна.

И поверю, что сбудется вечное чудо —
Снова солнце раскрасит туманный рассвет…
Ну а зиму, наверное, снова забуду,
Как забыл триста зим и три тысячи лет.[17]

Корсар отчего-то прочел это стихотворение вслух. Они по-прежнему сидели с Ольгой Беловой в том же ресторанчике.

– Забавный стих… – задумчиво проговорила Ольга. – Откуда это?

– Не знаю. Вспомнилось отчего-то сейчас.

– Итак, теперь я начну спрашивать, господин Корсар?

– Ольга, а вам… не страшно?

– Страшно? Страшно было на Цейлоне, заложницей у «Тигров освобождения». Да и то – не очень. А с вами, я думаю, будет интересно. Когда вокруг свистят пули, материал обещает стать сенсацией.

– Если доживете до публикации…

– Я постараюсь. Обычно у меня – получается.

– The Daily Majestic это все интересует?

– Я же говорила – работаю со многими информационными агентствами. И за сенсацию можно получить весомый гонорар.

– Настолько, что вы готовы рисковать?

– Да. К тому же я – журналист.

[17] Стихотворение Петра Катериничева «Я, наверно, опять эту зиму забуду…».

– «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется…»

– А дело – тем более.

– И это – обязывает?

– Нет. Просто – нравится. А что у вас с глазами, Корсар?..

– Соринка попала…

– Это когда за вами гнались двое с пистолетами? Или – раньше?

– Оля, вы точно хотите все это знать? Такое впечатление, что я – как заразный… И Сашка Буров, возможно, погиб из-за меня…

– Погиб?! Это тот, который вчера…

– Да. Или – серьезно ранен.

– В него тоже стреляли?

– Сбила машина. Намеренно. Его *приняли* за меня.

– Вы мне не показались сильно похожими…

– Я уехал на презентацию. Он, видимо, решил подурачиться – надел мой пиджак, шляпу, темные очки…

– …и мне он не показался дурашливым… до такой степени.

– Мы выпили крепко. Вот и…

Корсар почувствовал вдруг слабость: опять приступ? Все словно потемнело вокруг, он смотрел на Ольгу и чувствовал, что не понимает ее слов… И больше всего он боялся сейчас – немотивированного порыва гнева или ярости…

– Я… перестал порой узнавать окружающее… – с усилием проговорил Дима, добавил: – И – самого себя… в последнее время…

Он прикрыл лицо ладонями, зажмурился… Голос, что звучал в телефонной трубке еще там, в магазине, слышался явственно… «А вы знаете, что вас убили?» Сколько ему осталось?.. Двадцать часов? Или – уже меньше?

– В последнее время – звучит фатально… – сказала девушка.

«А оно и есть для меня – последнее… Или – нет?»

Темно-фиолетовое облако заволокло все вокруг, потом он видел мелькание золотого на алом, потом – серебряного на синем, и это было похоже на имперские гербы…

– …и ты – перестаешь узнавать окружающее… – продолжила Ольга. – Все – словно уже было… Или – скоро произойдет, но ты это уже знаешь…

Корсар мотнул головой:

– Что ты сказала сейчас?

– Размышляла вслух. Пыталась говорить значимые фразы и выглядеть умной и философичной…

– Зачем?

– Наверное, хочу тебе понравиться.

– Ты мне и так нравишься… – произнес Корсар. Как они оба перешли на «ты» – он даже не заметил.

– Вот и хорошо.

Корсар грустно кивнул.

– Что с тобой было сейчас? – спросила Ольга.

– Приступ.

– Ты – болен?

– Нет. Я – убит.

Оля поморщилась:

– Давай сначала, а?

– Сначала? – Корсар посмотрел на Ольгу так, словно впервые видел, спросил неожиданно для самого себя: – Олёна, где я тебя видел раньше?

– Вчера. На лекции.

– Нет. – Корсар помотал головой. – Такое впечатление… что мы знакомы давным-давно… тысячу лет…

– Ну, это преувеличение, хотя – мне приятно…

– Ты не ответила.

– Что?

– Где я мог тебя видеть раньше?

– В снах. Такие, как я, бывают только в снах.

Корсар снова кивнул.

– Тебе так легче? – участливо спросила девушка.

– Намного.

– Так что все-таки случилось? Из-за чего…

Корсар заговорил, глядя в одну точку:

– Сначала… меня убили. Потом… чуть не убили. На самом деле – убили моего друга. Приняв за меня.

– Это бред?

– Бред, конечно. Но все так и есть.

– По-моему, тебе стоит снова выпить кофе. И что-нибудь покрепче.

– Пожалуй.

Корсар сделал знак официанту, и через минуту перед ними дымились две чашки крепчайшего кофе и стояла большая рюмка коньяку. Корсар выпил спиртное, как воду, разжевал лимон, не чувствуя вкуса, сделал глоток кофе…

– «Когда б я знал, что так бывает, когда решался на дебют…»

– «…что строчки с кровью – убивают. Нахлынут сердцем – и убьют»[18]. Тебя преследуют… из-за… твоего нового сочинения?

Корсар вынул из кармана пиджака книгу, положил на стол:

– Вот. Украл с полки магазина.

Ольга аккуратно взяла книгу, приподняла брови:

– «Гробница»? Мрачно-то как. – Открыла наугад, прочла: – «*Смерть не поддается ни философскому, ни бытовому осмыслению, как и вечность»*. – На лице ее промелькнуло что-то странное, с явным усилием она придала лицу постное выражение, произнесла саркастически: – Умнó.

– Это – не моя книга.

– А слова твои?

– Совсем из другой статьи, по другому поводу…

– Разве есть повод весомее, чем смерть?

– Есть. Жизнь.

Ольга взглянула на него с непонятным выражением, отхлебнула кофе, тихонько свела ладони трижды:

– Браво. *Очень* мажорно.

– Оля… – Корсар поморщился.

[18] Из стихотворения Бориса Пастернака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.